

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

12. Эл. 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес учредителя/издателя: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.

Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций

05 февраля 2014 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –

Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией
в первом и втором экземплярах, а
также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 938-911-34-04

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

**Печатная версия журнала
выходит один раз в квартал,
электронная – ежемесячно. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35

Дата выхода в свет:

05.12.17

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Далекие берега реки жизни.*

Повесть.....2

ГОЧ

Александр ПУШКИН. *Евгений Онегин.*

Роман байташкахь. Чаккхе. Юхь еша № 9,
2014 ш.; № 9-10, 11-12, 2016 ш.;

№ 10, 11, 2017 ш.....33

ПОЭЗИЯ

Зелимхан МУСАЕВ. *Нас ждут большие*

перемены... Стихи.....51

Марет ЭЛЬДИЕВА. *В порыве чувств.* Стихи.....54

Марьям ХАДЫСОВА. *Осень наступит внезапно...*

Стихи.....56

Муса Бексултанов

Далекие берега реки жизни

Повесть

Весна, было уже тепло, на улице маленький ребенок. У самого села, там, где заканчиваются дома, отчетливо виден раскинувшийся на возвышенности зеленый луг. Пятна белых овец похожи на облака, висящие в небе. Высокие сине-черные горы, как нарты. Вдоль плетня длинная канава, а в ней желтые цветы, словно их посадили, рассыпав семена.

Мальчик стоит рядом с серой собакой (она смотрит в глаза ребенку, затем на хлеб в его руке), разглядывает ласточек и вдруг внезапно срывается с места, широко раскинув руки, чтобы взлететь, как они. Отрывается от земли. Потом падает, хлеб отлетает далеко в сторону и оказывается в зубах собаки. Мальчик плачет, часто моргая, слезы оставляют мокрые дорожки на его щеках.

Снова наблюдает за ласточками, чирикающими, ломая голоса, напоминая раскаты грома.

Мальчик стоит, разинув рот. Словно крылья, разводит руки.

– Хаби-и! – вырывается у него крик, когда понимает, что остался один.

– Где мой маленький? Беги сюда! – отзывается голос матери.

Мальчик вперевалочку бежит, споткнувшись, падает, задрав ноги высоко вверх.

Мать бросается к нему, поднимает, ласкает, закрыв глаза, целуя в шею. Мальчик смеется, дергаясь и сжимая тело от щекоток.

– Что же ты наделал?! Коленки такие грязные! – мать отряхивает его. – И животик испачкал...

– Я побежал... лас... ласточ... как они... – мальчик показывает пальцем на ласточек. Пальчик маленький, пухленький.

– Вай, да умрет у тебя мать, да умрет у тебя родная мать, в небо захотел взлететь!

– Да, я... разбежался, далеко... – Мать покатывается со смеху.

Ночей нет совсем, все время день. Всегда одни лишь дни. Случившееся днем уходит со снами, а сны – с днями.

– Это ты! – говорит мать, указывая на отражение мальчика в зеркале.

Мальчик пристально, не моргая, смотрит в зеркало, и тот мальчик стоит неподвижно. Он проводит языком по губе, чтобы убрать соплю. Тот делает то же самое. Тогда он замирает. Тот тоже. Мальчик не понимает, кого он видит в зеркале, он также не понимает, кто он сам такой и как тот мальчик в зеркале может быть им – тоже не понимает. Потом ему это надоедает, и он уходит.

Солнце ходит по небу. Мальчик пытается посмотреть на солнце. От солнечного света у него начинают болеть глаза; свет меркнет, появляются слезы. Потом мелькают сине-коричневые пятна, не давая открыть глаза. Мальчик в недоумении. Снова смотрит на солнце. Пытается закрыть глаза. Потом моргает, надувает щеки, кончик носа вытягивается вверх, лицо заостряется, обнажаются зубы.

Солнце чернеет, как уголь, появляется сине-желтая линия.

– Хаби-и, ва Хаби-и! – бежит он тогда в дом. – Сойнце чойное, сойнце... почейнело...

В руках мальчика портфель, в нем тетрадь и книга. На нем купленная матерью рубашка, а также черные брюки и ботинки. Она кладет в карман носовой платок.

Мальчик улыбается, осматривая себя: свои ботинки, рубашку.

– Не балуйся там. Слушайся учительницу, – мать отряхивает его брюки, поправляет воротник рубашки.

– Вай-вай, неужели он идет в школу?! Ну и ну, вот это парень, теперь держитесь! – отец смеется.

Мальчик не понимает, почему он смеется.

Дети, много маленьких детей. Ему они кажутся очень маленькими.

Девочки выглядят еще меньше, они в белых гольфах, нарядных фартуках, платьях.

Большие банты их напоминают бабочек.

Они смеются. Он тоже смеется, рассматривая свою новую форму.

– У тебя есть невеста? – мальчик стоит рядом с отцом, который время от времени толкает его. Сам отец сидит.

– Да, – отвечает он, глядя на отца с улыбкой, словно сообщая радостную весть.

– И кто она, чья? Красивая?

– Да... Межидова...

– Вот это молодец! – смеется отец.

Мальчик не понимает, почему смеется отец. Мальчику всего восемь лет.

Горы Хилдехароя¹. Они в горах со своим домашним скотом. И овец у них много. С ними и бабушка. Он зовет ее Хати, чужие же – Хантоти. Хати всегда напевает какую-нибудь новую песню, которую он прежде не слышал:

Сказав, мы ваши гости, к нам придя,
Породнившись и побратавшись с нами,
Свое злое коварство глубоко затаив,
Сделав нас хозяевами, в наших кунацких

Легли вы спать в наших постелях,
назвавшись нашими гостями.
Насытившись нашей едой,
Утолив жажду нашими родниками,
Свое злое коварство обнажив,
С насиженных мест вы нас согнали...²

Он не понимает, почему плачет бабушка. Он еще маленький, ему только восемь лет.

– Отгони теленка! – кричат ему. Он долго бежит за теленком, размахивая палкой.

Потом видит овец, возвращающихся к вечеру к своей стоянке. Видит отца и собак. Он идет навстречу отцу, поднимаясь вверх по склону, держась за траву.

– А-а, пришел пасти овец?! Садись, садись, – отец похлопывает его по спине.

Он садится рядом с отцом. Отец срывает травинки, перетирает их между пальцев.

– Тебе нравится трава? – спрашивает он сына.

Мальчик смотрит на траву. Травы много, от нее все склоны гор зеленые.

Он пытается перерезать ножиком стебелек, сорвав сначала листья. Эта трава с крупными широкими листьями, толстым стебельком.

Если сорвать три-четыре растения и сесть на них, держась за толстые стебельки, можно скатиться, как на санках.

– Какой у тебя красивый ножик, дай посмотреть, – говорит отец.

Долго разглядывает, перекладывая с руки на руку.

И мальчик смотрит. У него нож с деревянной ручкой, складной. Нож подарил старший брат, когда привез его в горы.

– Поменяемся? – отец улыбается, протягивая ему свой нож. Его нож с железной ручкой, ржавой.

Мальчик качает головой.

– Смотри, здесь трактор, видишь? – отец протягивает нож, на рукояти которого есть изображение трактора.

Отец, смеясь, долго смотрит ему в глаза.

Мальчик снова начинает срезать ножом травинки.

Отец все смотрит на него. Отец долго беззвучно смеется, лицо его словно застывает в улыбке, потом смотрит уже в другую сторону.

Мальчик бросается вниз.

– Ты куда? – спрашивает отец, когда он срывается с места.

– Домой... К Хати...

Отец вновь смотрит. Снова смеется.

– Не упали! Иди медленно, не беги.

У твоего отца двое братьев.

Одного вы зовете Командиром. Это худощавый молодой человек с темно-зелеными глазами, он работает водителем.

Выстроив в шеренгу, он заставляет вас (своих племянников) маршировать, командуя: «Р-раз-два, р-раз-два!», называя себя командиром, а вас – своими солдатами.

Вы смеетесь.

Он запрещает смеяться, говорит, что солдаты не смеются, они боятся своего командира.

Он играет с вами в прятки, играет и в мяч, скатанный вами весной из коровьего волоса. Он делает для вас маленький турник, катает на машине.

По вечерам вы бежите ему навстречу: «Командир едет, Командир!» Тогда он останавливает машину, испугавшись, что вы попадете под колеса.

В кабине, за сиденьем, лежит кукуруза в желтых метелках, проглядывающих из зеленых листьев, обволакивающих початки.

Второй дядя (Сайд-Хасан) – Джамбул-Ваши. Еще в Казахстане его забрали в Джамбул, на угледобывающую шахту. Это прозвище – Джамбул-Ваши – так и осталось за ним.

Вы не осмеливаетесь в его присутствии играть, не решаетесь при нем даже заговорить. Его боятся и ваши матери, боятся даже ваши собака и кошка.

– Сайд-Хасан идет! – говорит, улыбаясь, ваш отец, застав вас за игрой.

– Прячьтесь скорее! Вы прячете палки, мяч и забегаете в дом.

– Играли? – с недоброй улыбкой спрашивает Джамбул-Ваши, глядя поочередно каждому в глаза.

– Нет, – отвечаете вы хором.

– Как, нет?! Я же слышал, как вы кричали...

– Мы не играли, – вы, судорожно сглатывая, смотрите в пол.

– Ух, сорванцы вы, сорванцы! – смеется Джамбул-Ваши. – Все-таки вы боитесь меня! Вы не решаетесь улыбнуться.

– Идите, погуляйте... Не шумите только...

Вы остаетесь на месте, не зная, шутит он или нет.

– Идите, делайте, что Сайд-Хасан говорит, – смеется отец, обнажая верхние десны, и хлопает в ладоши. Вы медленно, как бы нехотя, выходите по одному.

Но продолжать игру все же не решаетесь.

Показывается Командир, держа в руках шапку-ушанку и напевая:

Ты Подгорный, я Подгорный,
Широкая улица-а.
К тебе не приходит
Ни петух, ни курица-а...

Он хмелен.

Во дворе утка с утятами. Командир, размахнувшись, сбивает шапкой утенка, который начинает пищать. На шум выбегает ваша мать.

– Утята твои, Хава? – Командир в очередной раз целится шапкой.

– Ий-й, мои, К1ант³, мои, не бей! – смеется мать.

– Посмотри вон на того утенка! – Командир бросает шапку.

Утенок падает. Джамбул-Ваши стоит, уперев руки в бока. Он улыбается, покачивая головой.

– Вот это молодец! Клянусь Ади, увидел бы тебя сейчас твой тесть!

– А что, – говорит Командир, – плохой зять, что ли?

– Хороши, хороши, – отвечает по-русски Джамбул-Ваши.

– Иди, заходи в дом, – и добавляет несколько слов на казахском языке: ты слышишь, как он упоминает твоего отца, Мози.

– Ка-ак?.. Он дома? – спрашивает Командир.

– Скорее, Хава, иди вперед! – он быстро направляется к дому.

Он умрет относительно молодым, в пятьдесят четыре года. Это был очень мягкий, жалостливый, набожный человек, после каждого намаза он долго со слезами на глазах возносил мольбу к Аллаху. Ты второй раз увидишь своего отца плачущим: первый раз – когда умерла его мать, второй раз – на похоронах брата.

Отец потом часто будет рассказывать вам о своем брате, о матери, об убитом энкавэдэшниками отце: «Адам больше любил Сайд-Али, он и походил на него немного. Мне он всегда казался ребенком, даже когда он подросток. В Казахстане, когда мы отправлялись красть зерно, я никогда не брал его, чтобы в случае чего хоть кто-то из нас остался с Хантоти и девушкой (девушка – это его сестра). Он ни разу не сказал мне слова поперек. Я чувствовал себя при нем непринужденнее, чем при вас, членах своей семьи. Да он и сам говорил не раз: «Клянусь Ади, Мози, ты говоришь мне порой то, что не скажешь своему родному сыну!» Наверное, дело было в привычке, ведь мы с детства были вместе: отца убили, мать посадили, и мы росли рядом, деля тяготы и беды.

Я помню глаза Командира, темно-зеленые зрачки его, с мелкими, серыми, как просяные зерна, крапинками.

Глаза его всегда были задумчивыми, казалось, что они живут отдельной жизнью.

«Оставь эти книги, – сказал он мне как-то, – читай религиозную литературу, пропадешь, не принесешь пользы ни себе, ни людям». Я читал Лермонтова, «Измаил-Бей», и рассказал ему про него. Внимательно выслушав меня, дядя произнес: «Он ничем не поможет тебе в загробном мире», – и ушел, не добавив ни слова. После он не говорил ничего: посмотрев книги, уходил, качая головой: «Не выйдет из тебя алима⁴, не выйдет!»

Да, мы росли так, оберегаемые отцом, имея рядом дядей, не зная горя, не испытывая голода или холода.

Нас было много, десять-одиннадцать детей, рожденных двумя женщинами от одного отца, мы не разбирали, кто чья мать.

Отец никогда – насколько помню – не бил нас, но и не ласкал, только иногда с улыбкой смотрел в глаза.

Сегодня мне кажется, что в детстве, когда я был совсем маленьким, он клал мне руку на голову, задавал какие-то вопросы, какие обычно задают детям.

Правда, как-то весной, когда я учился в десятом классе, я получил от него оплеуху, да такую, что на глаза навернулись слезы.

У нас были гости, они прибыли верхом. Кажется, они были из Чишки, и с ними был Кюра, сын Овтахаджи.

Вечерело, спускались сумерки. Жена Джамбула-Ваши попросила меня наколоть дров.

Нарубив много сырых дров, я лежал на лужайке, поставив на грудь транзистор «Веф», и слушал радиостанцию «Монте-Карло».

Временами до меня доносился какой-то шум, выделялся голос Джамбула-Ваши. Через какое-то время показалось, что в мою сторону кто-то идет. Была ночь, я посмотрел в ту сторону: ко мне пулей летел отец.

Я присел.

Раздался звон, словно треснула правая щека, из глаз моих брызнули слезы.

– Не наколол сухих дров, хоть Сайд-Хасан попросил... Сайд-Хасан... гости... – я увидел спину, спину отца.

Я понял, что на меня пожаловался Джамбул-Ваши: когда прибыли гости, отца не было дома. Наши три дома стояли рядом, вдоль улицы, средний принадлежал Джамбулу-Ваши.

Вдоль дороги был начат дощатый забор, к кольям в три ряда прибили сухие, обтесанные топором жерди. С трети забора, приходящейся на участок Джамбула-Ваши, я обухом топора сбил жерди и, изрубив их, заготовил целую арбу дров.

Наутро, когда я вышел, чтобы идти в школу, я увидел Джамбула-Ваши, который стоял, уперев руки в бока, и смотрел на то, что осталось от его забора.

– Доброе утро, Ваши! – поздоровался я как ни в чем ни бывало. Он посмотрел на меня долгим взглядом:

– Клянусь Ади, следовало порвать тебе пасть... Ты же сделал это мне назло...

– Ведь сухих дров больше не было...

– Пошел вон, кол неотесанный! – прервал он меня, скрипя зубами.

Я ушел.

Потом, когда я, вернувшись со школы, обедал, из-под навеса показался Джамбул-Ваши, он шел в мою сторону, пытаясь улыбнуться. Я поднялся ему навстречу, улыбаясь.

– Я был очень зол на тебя... Я же не знал, что Мози учинил над тобой такое. Клянусь Ади, я сильно отругал его. Будь неладны и эти дрова, и огонь, как можно ударить парня... Но придумал ты здорово! Сядь, да умру у тебя я, если не сядешь, давай вместе выпьем чай, – бросился он ко мне, чтобы усадить с собой.

Кажется, в тот день я впервые сел при нем.

Помню, и отец через три дня сказал мне с улыбкой:

– Ты очень обидел меня, вынудив ударить себя, сын. Недовольный своим поступком, он три дня обходил меня стороной.

Джамбул-Ваши позднее, с возрастом, стал более приветливым, часто шутил с нами, как с равными.

А по отношению к своим детям он не был таким строгим, как с нами. Застав его как-то сидящим за столом со своим младшим сыном, я, с улыбкой наклонив голову, стал подтрунивать над ним, зная, что он все понимает:

– Кажется, вы друзья, Ваши?!

– Вах-ха-ха! – хлопая в ладони, засмеялся он. – Бесстыжий ты человек! Проходи, садись, раз уж застал нас.

– Дети не вырастут мужчинами, Ваши, если держать их все время возле себя, нужно бы их ругать почаще. Не станут ли они у тебя слабаками, если не бить время от времени?

– Хватит, перестань... Язык у тебя слишком острый... Эх, и боялись же вы меня, клянусь Ади, боялись...

– Ой, как же не бояться, если ты всегда был свиреп, точно медведь... Помнишь, когда я, подождав, пока ты уснешь, отправился ночью кататься на коньках, и ты, узнав про это, бил меня коньком по голове?..

– Хватит, хватит, перестань, это все в прошлом, оставь...

Главной его чертой мне казалась стойкость, стойкость, необходимая при любых жизненных перипетиях.

Он так и ушел, не распознанный людьми: это был действительно достойный мужчина, который не мог терпеть насилие, над кем бы оно ни творилось, приходил на помощь любому нуждающемуся.

Его убила эта война или ее произвол, который он более всего ненавидел: он умер от разрыва сердца в момент, когда бросился на солдат, явившихся проводить «зачистку».

Так же умрет и наша тетя всего через несколько лет после гибели единственного сына.

Их много умрет в вашем дворе: твоя мать, бабушка, Командир, Джамбул-Ваши, твой брат, тетя, ее единственный сын, последней умрет жена твоего дяди.

Отец твой останется один, не похожим на себя прежнего, не таким, каким ты привык его видеть – уверенным в себе, словно не было силы, способной поколебать его.

Позднее, с возрастом, ты поймешь, кто он, какими принципами живет: ты узнаешь, что он ничего не ценил в этом мире, кроме чести, кроме имени, унаследованного от отца. Ты узнаешь (или увидишь в том времени, когда твой отец и его братья жили вместе), в каком согласии они, трое братьев, жили, словно жили единой душой, единым сердцем.

Ты поймешь, что они действительно жили в большом согласии, когда услышишь, что везде, куда бы ты ни прибыл, люди будут приводить их в пример.

Ты не раз будешь вспоминать, с каким взаимоуважением, почтением они друг к другу относились. И то, что твой дяди, которым уже было по пятьдесят, шестьдесят лет (имевшие свои хозяйства, семьи), ни разу не возвращались к себе, предварительно не зайдя к твоему отцу, не проведя с ним время и не пожелав ему доброй ночи, будешь вспоминать ты.

К кому бы из них ни явился гость, все трое собирались вместе, не деля гостей на своих и чужих.

«Иди, – помню, не раз говорил отец, – у Сайд-Хасана, кажется, гость. Посмотри, что есть в этом доме, соседнем (у отца было две жены), передай им». Позже, когда гость располагался отдыхать, заходил и сам. «Когда приходит гость, хозяин должен носиться как угорелый, – говорил он. – Если в хозяйстве нет живности, кроме дойной коровы, нужно резать и ее».

Тебе не раз вспомнится, как твой отец сурово отчитывал своих братьев, в чем-то провинившихся, а они молча выслушивали его, не произнося в ответ ни слова, как бы он ни кричал на них.

Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, играя желваками, было видно, как у них перекатываются вверх-вниз кадыки.

– Прочь с глаз моих! – кричал отец. – Вы не мужчины, не мужчины!

– Клянусь Ади... – начинал Сайд-Али – тот, кого мы звали Командиром, – клянусь своим отцом.

– Замолчи! – обрывал его Сайд-Хасан. – Только тебя сейчас не хватало! – при выходе он, словно в отместку, награждал нас, детей, подзатыльниками или же наступал нам на ноги.

Отец тогда беззвучно смеялся, покачивая головой. Мы не осмеливались плакать, как бы больно ни было, глаза наши бегали, чтобы не смотреть на отца.

Джамбул-Ваши был очень жизнерадостным человеком, по нему (имеющему жену и детей) вздыхала не одна девушка и вдова. Он был уверенным в себе человеком, готовым оспорить первенство с кем бы то ни было. Похоже, что отец очень любил Джамбула-Ваши, это можно было прочесть в его взгляде, который он, пряча улыбку, бросал на него. «Сайд-Хасан скорее умрет, – говорил он, – умрет, не моргнув глазом, но не уронит чести!»

Наш отец считал нас – детей и своих братьев – одной семьей, в которой он являлся главой, причем братьев он любил больше.

Все, что ни делал, он делал ради них, чтобы люди их уважали.

Он так и жил, посвятив и нас, и наших матерей, и себя братьям, их слово было обязанностью для всех, их пожелание – законом.

– В мире нет ничего важнее согласия, – говорил он нам. – Двух братьев, между которыми царило согласие, не смогло победить целое село, живите дружно. Не пытайтесь стать кьонахами⁵ все, а то им не станет никто из вас: выберите из себя более достойного и сделайте кьонахом его, помогая ему, тогда к вам будут относиться с уважением, зная, что один из вас старший, а остальные являются ему надежной опорой. Живите в одинаковом достатке, не возвышаясь один над другим, а то жены вобьют между вами клин; старайтесь, чтобы достаток у вас был равным, тогда и согласия между семьями добьетесь, и уважения людей. Живите рядом, и относиться к вам будут с почтением.

Если отец носит старье, а сын щеголяет в обновках, это очень не смотрится, так же и братья. Не выделяйтесь никто одеждой, кто-нибудь да упрекнет вас – вы же братья.

Пища, достаточная, чтобы насытить одного, накормит двоих. В жены берите девушек из разных родов, и родственников у вас будет много.

И женитесь только на красивых – потомство будет красивым.

Богатство женщин – в детях, братьев – в их количестве, даже если от кого-нибудь из них мало толку: ведь и самый слабый подпадает под кровную месть.

Мы были очень малы, когда отец говорил нам все это – по десять-двенадцать лет, и не могли всего понять.

И потом всю жизнь – и теперь, когда уже совсем повзрослели, – он не перестает поучать нас:

– Нет ничего, о чем бы не было сказано, – говорит он, временами бросая на нас недовольные взгляды. – Для кьонаха позор, – поглядывает он на одного из нас, из-за которого и завел разговор, – дать кому бы то ни было повод усомниться в своих словах. Это настоящий позор, который не смывается с человека ни при жизни, ни после его смерти... Богатство ни к чему, если ты сколотил его, забыв, что ты кьонах – богатством обзаводится и жид... Как кьонах может жить на этом свете, который ему предстоит покинуть, выставив себя на посмешище, зная, что Бог видит его насквозь? Он должен прожить эту жизнь так, чтобы предстать завтра перед Богом чистым, суметь ответить за разум, данный Им. Обращать внимания на мелочи не стоит, на болтовню недостойных людей (у недостойных людей много ссор), на всякие сплетни – главное, чтобы люди знали тебя, а тем, кто не знает, посоветовать обратиться к знающим тебя хорошо. Нужно быть справедливым по отношению к другим: справедливый всегда смел. А смелость превыше всего.

Как-то Байсангуру, сыну Хунарика из Мелхисты⁶, человек из другого рода нанес обиду. Байсангур послал к нему своего бывшего врага, конфликт с которым он уладил ранее, со словами: «Попроси его не трогать меня, скажи, что в споре я горяч, как головешка».

Посредник передал его слова, добавив: «Я однажды уже обжегся на этом Байсангуре, оставь его в покое. Он больно ужалит тебя». – «Знаю я эту вашу спесь, спесь мелхи, – не повел и бровью тот. – Разве все мы состоим не из мяса и костей?!»

Потом уже, когда Байсангур в отместку за нанесенную обиду убил его родственника, а у него самого увел жену, он, говорят, сокрушенно вздыхал: «Да умрут у тебя отец и брат, Байсангур, сын Хунарика, ты не головешкой оказался, а гремучим змеем».

Того, кто не понимает по-хорошему, надо поставить на место, как это сделал Байсангур, сын Хунарика, не оставляя на своем имени пятна. Срок мести не ограничен до смены семи поколений.

Надо сказать – один раз, два раза, десять: «Оставь меня в покое, не трогай, я не тот, за кого ты меня принимаешь».

Но если это не возымеет действия, надо так осадить, чтобы тот до самой смерти это помнил. Человек должен избегать конфликта, бежать от него без оглядки, но если загонят в угол, обернуться и нанести ядовитый укус.

Кьонах должен все время быть начеку, оберегать свое имя, честь, так, чтобы недругу твой дом казался неприступной крепостью, волчьим логовом, и так

же, как волк знает, что он волк, никогда не забывать, что он кьонах, которого все таким и знают...

Если вы запретите себе то, что многим дозволено (дозволено сотням, тысячам), вы пойдете путем, которым шли достойные мужчины и, возможно, уже не свернете с него.

Не пытайтесь запугать людей – тот, кого боятся другие, сам робеет перед людьми.

Народ хранит в своей памяти имена достойных мужей, подобно тому, как государство хранит архив – вам известны имена Мустарга, сына Бахадура, Дуды, сына Исмаила, Харачойского Зелимхана и многих других. Со многими из таких был знаком и я: Шовхал, сын Чуоча-хаджи из Терлоя, Мохмад, сын Мусоста, который умер, не выдав под пытками своих товарищей.

Таковыми были живший в Чишках Кюра, сын Овтахаджи, Сямба из Гуш-Корта, уроженцы нашего Хилдехароя: Ича, сын Ахматхана, Мус, сын Баки, Довта, сын Дады, Зубайр, сын Ески, Хаза, сын Зоки, Мус, сын Каби, и многие другие. Среди мелхи тоже было немало достойных мужчин: Дара, Муха, сын Кушалка, Бисолт, сын Видаша, Торга – всех не перечислишь... Умирая – а смерть кьонаха всегда бывает преждевременной, – он должен оставить о себе добрую память, имя, достойное настоящего мужчины, – он много рассказывал нам, стоящим перед собой, временами, когда заканчивался в чашке чай, взглядом подзывая младшего из нас: – Женитесь, чтобы жить с женами и опекать, а не чтобы разводиться, – продолжал отец, – и выбирайте девушек из хороших семей. Будете играть с женами, часто женясь и разводясь, дадите людям пищу для пересудов. Если жена верна тебе и твоему дому – этого достаточно, большего от нее все равно не добиться, разве только в очень редких случаях.

У Шаами была жена-бедолага: на огород ли пойдет, за водой ли к роднику – стоило ей присесть, тут же засыпала, была никудышной хозяйкой. Когда мать и сестры упрекнули его, Шаами ответил: «Эта женщина оказалась для меня благодатной, она подарила мне пятерых сыновей». Он же сказал эти слова не потому, что не хотел иметь хорошую жену. Сказал, чтобы выразить благодарность милостью, ниспосланной Всевышним, чтобы не поставить родственников жены в неловкое положение. Кьонах не должен позорить друзей ради удовлетворения своих потребностей. Женщины – несчастные создания, у них нет большего ума, и мужчина не должен соперничать с ней. Жену нужно оберегать от людских толков, лаская иногда взглядом, как дитя. Перед Всевышним у нее нет другого ответчика, кроме тебя.

Как-то, задолго до нашего выселения, некий катар-юртовец умыкнул дочь одного мелхи из Бамута. Отец девушки был почитаемым в народе человеком. Молодой человек, катар-юртовец, опасавшийся последствий своего поступка, обратился к своему односельчанину, Коро, очень уважаемому и известному тем, что часто в качестве посредника замирал враждующие стороны: «Коро, окажи мне содействие, мне нужна помощь».

Коро запряг коня, посадил впереди на подводу одного юношу и, взяв с собой украденную девушку, поехал к ее отцу в Бамут.

«Приходи свободным, Коро! Как хорошо, что ты привез эту девушку – будет кому накрыть нам на стол, – радушно встретил тот гостя, зарезал для него барана, и они провели ночь за разговорами, причем, ни гость не рассказал, зачем он приехал, ни Коро отец не спросил о цели его визита. Утром, после того, как они позавтракали, Коро обратился к своему спутнику:

«Парень, запряги-ка коня, – а хозяину сказал: – Поедем мы», – и тронулся к своей подводе, так и не рассказав, зачем приехал, и не обмолвившись ни словом о его дочери. Тогда мелхи кликнул, говорят, свою дочь: «Во-о, Сарха, выйди-ка живо, отправляйся обратно с этим Коро, а то он ославит меня перед людьми». И хозяин-мелхи, и гость Коро оба они были настоящими мужчинами. Кьонах проявляет яхь⁷ только по отношению к подобным себе. Чтобы познать кьонаха, надо самому им быть...

Жениться надо на девушке из достойной семьи, не обязательно богатой: во-первых, потомство будет хорошее, во-вторых, в случае необходимости будет к кому обратиться за помощью.

Да, он много нам рассказывал, рассказывал все, что слышал, знал, видел сам. Он говорил нам о кьонахах, об их поступках, деяниях.

Он рассказывал о Дуде, сыне Исмаила, который, отправившись, когда настала его очередь, пасти сельское стадо, встретил плачущую женщину, возвращавшуюся от своих, впервые посетив их после замужества. Родные не дали ей, как это положено по нашим адатам⁸, корову, что позорило ее в глазах новых родственников. Дуда объявил ей, что все стадо принадлежит ему, предложил выбрать лучшую корову из этого стада и, не долго думая, подарил ей свою единственную корову. Рассказывал о славном Мустарге, сыне Бахадара, которого на какой-то вечеринке поддела Айбика, дочь Дады, и в день, когда Дады-Юрт штурмовали царские войска, бросил Айбике: «Ты сегодня оцени, кто более отважен!» – и ринулся в самую гущу боя. Отец рассказывал о Сурхо, сыне Ади из Чеберлоя, который, не вынеся страданий народа, изгнал кабардинского князя Мусоста. Рассказывал о Дуеве Уме, Лече, сыне Алхи, Мусе, сыне Боки, Джокале, сыне Дерказа, Иче, сыне Ахматхана, Идрисе, сыне Бай, Кериме, сыне Бахо, Кеке, сыне Кека, Хазе, сыне Зоки, Мухе, сыне Кушака, – их было много, про кого он рассказывал, вместе с Бисаном, сыном Мосага, Довтом, сыном Дады, еще Куштаном, сыном Несапа, потом о своем отце, Адаме, сыне Дерказа.

Сердце в груди бешено колотилось, когда мы слушали об этих кьонахах, сердце крепчало, как гранит, становилось крепче стали, было готово разорваться на части при мысли о мелочности нынешнего времени.

К имени своего отца он относился очень трепетно, называя его, как и в детстве, Ади. Лицо его в это время источало жалость, лицо розовело, губы расходились в легкой улыбке, глаза слабо улыбались. Взгляд устремлялся вдаль, в прошлое, в годы, которые он провел с отцом, в край, где они тогда жили – Хилдехарой.

– Ади, очень крутой с людьми, с нами был мягок, – еле слышно произносил он, словно обращаясь к своим воспоминаниям, а не к нам. – В тот день, день, когда его убили, он, оказывается, в последний раз приласкал меня: «Сходи-ка, ради Ади, в Чамху, больше я не пошлю тебя туда». Больше и не посылал – убили его, убили до моего возвращения. Эта его ласка, выразившаяся в словах «ради Ади», – все, что у меня от него осталось, – отец, забывшись, уходит в свои мысли, он сидит с застывшим взглядом, лишь иногда вздрогнет губа или шевельнется рука, да время от времени на его лице мелькнет улыбка.

Нам, шести-семи сыновьям, которые стояли перед ним, было очень тяжело наблюдать за ним в такие минуты.

– Советская власть, ух, эта Советская власть! – вскрикивал он через какое-то время, грозя в пол пальцем. – Будь прокляты семь ее предков, подлее власти на земле не было и нет! Да умрет у нее отец, она же перемолола всех нас, убив отца, превратив наш дом в пепелище, посадив мать, забрав всю живность в колхоз!.. В горах не нашлось ни одного человека, кто осмелился бы впустить нас, четверых детей, самым старшим из которых был я: мне не исполнилось и пятнадцати лет, Сайд-Хасану было восемь лет, Сайд-Али и Хадишт были совсем маленькими, лет четырех-пяти... В горах никто не осмелился взять к себе сразу двоих из нас, разобрали по одному: в Бечиг, Дишни-Мохк, Хехе. Ади, которого они убили, был председателем колхоза, поставленный ими самими же, прислав из города каких-то начальников с бумагой... Вероломно убили, как они привыкли делать все, когда Ади, которого уже несколько раз вызывали, не явился. Ади же ничего плохого не сделал ни этой власти, ни людям, он лишь пытался жить, не терпел несправедливости; во всем виноваты языки, длинные языки ничемных людей... Подобные люди не любят тех, кто пытается жить достойно, следуя пути своих отцов, они пытаются облить их грязью, чтобы уподобить себе. Не возносите человека только из-за того, что он одного с вами

рода – это не означает, что он кьонах, дружбе с ним предпочтите дружбу с чужим: он не будет питать к вам тайную зависть, как свой. Среди моих лучших друзей были Кюра, сын Овтахаджи из Чишки, Халид, сын Яхи из нашего села. Дени, сын Сулеймана из Хилдехароя, живущий на верхней окраине, всегда выказывал мне искреннее уважение, словно я его отец, был обходителен.

Те, кто не любил моего отца, не любит и меня, кто не любит меня, не будет любить и вас. На меня доносили дети тех, кто доносил на моего отца, и многие из них были из нашего рода. И в Казахстане они писали анонимки на меня, что отец мой был бандитом, писали даже колхозному бригадиру. И когда мы вернулись домой, они не отстали, доносили, что я не работаю на государство, имею двух жен, содержу в горах отару.

Я был совсем молодым, когда в Казахстане поехал в район поступать на курсы комбайнера и начальник НКВД вызвал меня к себе, предварительно пригласив председателя нашего колхоза. Он сказал мне: так и так, мы знаем, что твоего отца убили сотрудники НКВД, он был против Советской власти, тебе нельзя следовать по его стопам, тебя ждет другая жизнь, кругом враги, нам надо поддерживать хорошие отношения, сообщай о тех, кто недоволен властью, занимается хищениями, молится, соблюдает пост, мы тебя вознаградим. «Харшо, – согласился я, – харшо!..» Каждый месяц меня вызывали, и каждый раз там присутствовал председатель колхоза. «Ну как? – спрашивали они. – Как дела, что люди говорят, молится кто?» – «Все харшо, все парядке, работает люди, малится виреми нету», – отвечал я. Полгода меня вызывали. Как-то прихожу я, как обычно, и они спрашивают, как дела, что говорят люди, воруют ли зерно, молятся ли. «Все харшо, – ответил я, – парядке все». – «Ты нас обманываешь, – сказал он, – у тебя все «харшо», а люди воруют зерно, по ночам делают зикры⁹, остальные доносят, а ты ничего не говоришь». – «А ты думал, я гаварит буду, я не буду гаварит, – сказал я. – Пускай дургой гаварит». – «Это твое дело, говорить или нет», – ответил русский.

Клянусь Ади, после этого и начальники, и председатель относились ко мне намного лучше, хотя знали, что мы ворует зерно, овец. Человек должен уметь следить за этим языком, – он прикладывал руку ко рту, – будь он не ладен!

Как-то в нашем колхозе украли племенного быка, которого привезли из-за границы, поднялась шумиха, и в его поисках стали заглядывать во все дворы.

Ко мне пришел председатель, он сказал, что бык не покинул пределы села, о краже уже известно в районе, и если бы удалось до рассвета вернуть его на ферму, дело можно было бы уладить.

«Мне што, – сказал я, – украд, не украд? Найди свой бичок, я не украд». – «Я знаю, что ты не украд, Мози, помоги, всем будет плохо. Его посадят, надолго посадят», – сказал он. Рядом с нами жил человек, который не против был стянуть все, что попадет под руку. Я пошел к нему и, не сказав, что ко мне заходил председатель, попросил взять себя в долю, притворившись, что мне все известно. «Клянусь Пророком, хороший бычок, черт бы его побрал! – похвалил он быка. – В лесу находится, я его хорошо припрятал». Всю дорогу я склонял его к тому, что быка необходимо вернуть, иначе нас всех сведут со света. В конце концов он согласился со мной, мы измазали быка грязью, чтобы создать видимость, что он где-то плутал, привели на ферму, перерезали веревку на его шее – как будто она оборвалась, и, загнав его в загон, вернулись домой.

На второй день, вечером, ко мне снова пришел председатель. «Спасибо, Мози, – поблагодарил он меня. – Бычок нашелся, с оборванной веревкой. Начальник из района поверил. Надо два мешка пшеницы – ему один и мне...» – «Какой мой дел эта бычок? Нашолся – харшо, не нашолся – харшо, пишеница ниту, ты захади, кушай, лудей папаршу я пишеница», – завел я его, а сам на его тачанке поехал в лес – пшеницу мы прятали в лесу, в ямах – и привез два мешка пшеницы, присыпав их сверху сеном. Когда, поблагодарив меня, председатель собрался уезжать, он сказал мне: «Мози, я знал, кто бычка украд – люди сказали, но я не хотел причинять вред твоему родственнику... Ты пшеницу воруеть – не воруй с чужими, со своими братьями воруй, у людей язык длинный».

Тяжелое было время, за кражу килограмма пшеницы давали пять лет. «Я ничего не знаю, – повторил я. – Бычок ни знаю, пишеница я парсил». – «И не знаю, Мози, так лучше», – обернулся он, посмотрел внимательно и, помахав рукой, уехал, не добавив ни слова. Он был не из русских, не из казахов, а из какого-то другого народа, участником войны и хромал на одну ногу. Никогда не доверяйте представителю власти, каким бы близким человеком он вам ни был, в трудную минуту он продаст вас. Всякая власть, какой бы хорошей она ни была, вероломна: хорошей власти не бывает, эта же тем более. Не старайтесь быть близкими к власти: хорошие люди не стремятся к власти – представители власти продадут любого, если не ради выгоды, то для того, чтобы угодить этой власти. Живите честным трудом, чтобы в одну злополучную ночь власть не постучалась в вашу дверь. Человек, единожды побывавший в руках у власти, не остается прежним. Какая тебе разница, кто чинит над тобой насилие, ведь и власть состоит из людей, которых берет и пуля, и кинжал?!

Кьонах не должен ни бояться власти, ни стараться запугать ее, ей ничего нельзя доверить – ни хорошее, ни плохое. Он должен жить своей жизнью, добывая себе хлеб насущный трудом.

Век человеческий недолог, можно сказать, он ничтожен, когда настанет пора умирать, достаточно и незначительной причины: и ребенок умирает, и молодой человек, а бывает, человек доживает до ста лет. Надо бояться Бога: тот, кто боится Бога, не боится людей, тот, кто боится людей, боится и их, и Бога.

Ах, как же много он нам рассказывал в те годы, которые пролетели, словно их и не было! Он рассказывал все, что происходило со дня сотворения мира, все, что происходило, должно произойти, происходит, как будто мы должны были жить тысячи лет.

Ни один отец, царь или генерал не готовил, наверное, своих людей так, как он готовил нас: от многочасового стояния у меня опухали ноги и немела спина.

Отец постепенно входил в раж, прикрикивая на нас и грозя пальцем:

– Я не создаю мужчин, разве я в силах сделать из вас кьонахов, если вы сами к этому не стремитесь?! Человек должен стремиться к этому, а не упрямиться, как бык в упряжке.

Тот, кто старается, добывается, кто упрямится, роняет честь, а раз уронивши честь, ее уже не вернуть: даже переломанная кость не приращивается на свое место, – отец выдерживал паузу, будто был не с нами, а с собой, видя перед глазами другую картину, другие времена, годы, потом продолжал: – Сколько бы я ни говорил, все бесполезно, если вы не запомните мои слова. Человек должен жить примерами из жизни достойных людей. Кажется, в сторону Гудермеса расположено село Нойберы. В этом селе жил один мужчина, Кахим, сын Довлетмирзы. Брат этого Кахима каким-то образом погиб от руки своего односельчанина, которого звали, если я не ошибаюсь, Исрапил – случилось это еще до нашего выселения. Кахиму не удалось отомстить своему кровнику, и уже в выселении, после того, как спецпереселенцам разрешили свободно перемещаться, он, прослышав, что кровник находится в Казахстане, отправился туда из Киргизии, чтобы убить его.

Добравшись до места, он узнал, что Исрапила нет уже в живых, он утонул, оставив после себя единственную дочь, жена же его умерла еще раньше.

Девочка воспитывалась у соседей, из родных у нее никого не было. Не сообщив никому, кто он и зачем приехал, Кахим, представившись родственником Исрапила, забрал дочь своего кровника в Киргизию, воспитал, как родную и, когда та выросла, выдал замуж из своего дома. Таковы они, кьонахи, милосердие присуще только настоящим кьонахам. Клянусь Ади, я не уверен, смог ли бы я поступить так же – так трудно все, касающееся врага. Вам-то этого не понять: у вас отца не убивали, как у меня, и вам не приходилось охотиться за кровником.

Вольно или невольно, я постоянно слышу (как печальный отголосок прошлого) слово «Казахстан» вместе с другими: Боровое, Мендыгаринск, не

осознавая, что они означают, в чем их смысл. Эти названия у всех на слуху: Казахстан, Актюбинск, Караганда, Урджар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Павлодар...

Люди – в серых галифе, опоясанные широкими ремнями с двумя застежками – смеются, хлопая в ладоши, заламывая на самый затылок фуражки.

Люди радостны, словно друзья, которые не виделись несколько лет – кажется, что они всегда смеются. Носятся полуголые дети; вокруг домов нет заборов, двери на ночь не запираются. Царит веселье, то тут, то там устраиваются вечеринки, белхи. Дома обмазываются глиняным раствором, воздвигаются, словно бетонные, глинобитные стены. Крыша покрывается толем, полы тоже глиняные, они обмазываются жидким раствором из глины и песка. И тем не менее все веселятся, как князья за обильным царским столом. Все в приподнятом настроении. Грызут, как семечки, жареную кукурузу, она бывает белой или желтой, кукурузу сначала варят, потом уже жарят, пока зерна не покраснеют. Женщины тоже веселы, многим уже скоро рожать, детей же очень много, одни на руках своих матерей, других носят за спинами.

Мне кажется, что люди всегда такие, всегда радостны, смеются. Я все время смотрю на отца, зная лишь, что его называют моим отцом, но не понимая смысла этого слова. Иногда, когда мы остаемся наедине, он кладет свою руку мне на голову, как он обычно делает это соседскому ребенку. Когда наши взгляды встречаются, я замечаю, что отец наблюдает за мной. Тогда он улыбается мне. Залившись краской, я улыбаюсь в ответ, облизывая кончиком языка губы. «Иди, иди, играй», – говорит отец, видя мое смущение. Что мне особенно врезалось в память из того времени, так это то, что люди находились в постоянном движении, словно в день праздника ураза-байрам, заходя друг к другу в гости, собираясь толпами во дворах, на улицах, обнимаясь, смеясь, шутя.

Задумываясь сегодня, мне кажется, что я начал узнавать отца, понимать, что я его сын, с восьми-десяти лет. Наши взаимоотношения (отца и детей) напоминают взаимоотношения гостей, собравшихся провести какое-то время вместе, под одной крышей: никто не знает, чего ожидать от другого, каждый боится допустить оплошность, все хотят показать себя с лучшей стороны.

Мне кажется, что еще с того времени, когда мы были детьми (девяти-двенадцати лет), отец проявлял к нам больше уважения, чем мы к нему: никогда, застав нас, маленьких детей, за едой, он не садился с нами за стол и быстро выходил, или же, повернувшись к нам спиной, проходил в соседнюю комнату, чтобы оставить нас одних, не допустить вольности в отношениях.

Потом, когда мать звала его: «Дети уже закончили, мужчина, перекусишь?» – он не спеша выходил к нам, улыбаясь, начиная подшучивать над самым младшим из нас.

Мы молча стояли перед ним, не допуская и мысли, что в его присутствии можно сесть: это в нашем понимании было все равно, что сесть на огонь.

– Старшие ребята допускают тебя играть к себе? – обращался он к кому-нибудь из нас. Мы что-то отвечали: да или нет. – Не играйте со своими ровесниками, – говорил он, – лучше водитесь с детьми постарше – больше познаете. Не пристало молодому человеку водиться с детьми, он тогда будет смотреться как двухгодовалая телка среди маленьких телят. Человек, перешагнувший свое пятнадцатилетие, уже должен знать свой путь в жизни, знать, кем он будет, а не оставаться ребенком, как выросший среди женщин юноша. Как бы я выглядел, если бы пошел сегодня кататься на санках? Вот так-то. Надо жить в соответствии со своим возрастом. Вы, младшие, когда войдет старший из вас, должны встать и не садиться, пока он не сядет. И место ему оставляйте лучшее; прав он или нет, слушайте его: это он не прав, а не ты, ты выполняй все, что он тебе скажет, я же спрошу с него. Чтобы спросить, мне нужен один, а не все.

Вы рождены двумя матерями, но не позволяйте людям различать вас по матерям, называйте себя по имени отца: для братьев не важно, кто чья мать, лишь бы они были братьями. Ты почитай родственников его матери больше, чем родственников своей, а он пусть почитает больше родственников твоей матери. Не позволяйте матерям делить себя на своих и не своих. Пока вы не подрастаете, я придержу ваших матерей, а потом уж смотрите вы. Женщине – матери ли, жене ли – нужен хозяин, кто-то обязательно должен быть хозяином над женщиной, будь то муж, брат или собственный сын. Если отец умрет и дети останутся сиротами, сын, перешагнувший пятнадцатилетие, на людях должен быть старше своей матери. Это не значит, что не надо уважать мать – уважайте ее больше отца, – это значит, что мать должна взрастить из тебя кьонаха, хозяина своего семейства, дома, чтобы вы пользовались уважением людей.

– Они же еще маленькие, мужчина, пока не понимают тебя, пусть подрастут... – пыталась вмешаться мать, зная наш ум, наши годы – мы же всегда были при ней.

– Если ждать, пока они подрастут, будет уже поздно, женщина. Я рассказываю все это в надежде, что хоть что-то из моих слов они усвоят, – улыбался отец. – Ты-то уж точно станешь настоящим мужчиной, так ведь? – подмигивал он самому младшему.

На моей памяти отец ни разу лично не будил нас, только кричал из соседней комнаты матери:

– Разбуди-ка детей!

– Ваш отец зовет вас, вставайте, – подходила мать. – Он ждет.

«Отец» – для нас этого было достаточно. Не до конца проснувшись, боясь, как бы отец не увидел наши обнаженные руки или ноги, мы начинали шарить рукой, вытянув ее из-под одеяла, по полу в поисках одежды и, одевшись, быстро вскакивали. «Сходи туда-то, сделай то-то», – говорил отец, возлагая на тебя какое угодно трудное дело, не обращая никакого внимания, что ты еще ребенок. Этого у него и не было, он не разбирал, взрослый ты или еще ребенок, лишь бы человек уже достиг пятнадцатилетия и понимал, что ему говорят.

Помню, как-то в горах, когда мне было шестнадцать и мы с матерью были при отаре, из дому приехал отец и ночью отправил меня с поручением на дальнюю гору.

В сумерках он добрался до отары, что паслась около Итум-Кале, сотворил намаз и прилег, заявив, что перекусит позднее, немного отдохнув. Потом, встав уже ночью, он поужинал и, становясь на ночную молитву, вдруг сказал: «Эх, клянусь Ади, чуть не забыл... сходи-ка быстро на гору Пкера и передай тому-то, чтобы ехал домой, завтра его брата кладут в больницу, в лесу на него упало дерево... быстро возвращайся, утром нам нужно отделить баранов от отары, – и сразу же приступил к намазу: – Аллах Акбар, Аллах Акбар...»

Побледневшая при слове «Пкера» мать бросила на меня быстрый взгляд: на дворе стояла темная ночь, на всем длинном пути – четыре часа туда и столько же обратно – не было ни единого человека, чтобы дозваться в случае чего, не было места, чтобы спрятаться.

Я сделал знак матери, чтобы она промолчала, и быстро вышел, пока отец ничего не заметил. Мать вынесла мне фонарик: «Да умри у тебя мать, возьми хоть фонарик!» Фонарик был слабым, его свет бил не дальше трех метров. Сначала мне нужно было дойти от Бовлоя до Цийла, оттуда, перейдя через Аргун, дойти через лесистый перевал Хечен-Дук до самой вершины Пкера.

Я шел на носках, иначе шум шагов заглушал все шорохи вокруг.

Сердце существовало отдельно, не со мной, оно ушло далеко вперед, сбежав от тела, от тела, которое боялось. Или же не было ни тела, ни сердца, лишь только слух и зрение. И ноги, которые ступали осторожно носками...

– Это ты? – вышел отец на лай собак, когда я вернулся. – Передал?.. Хорошо... Отдохни часок, до восхода солнца надо отделить баранов.

Да, он не допускал мысли, что человек – юноша ли, взрослый ли – может чего-либо бояться, для него не существовало слов «могу», «не могу». Он был прямым, открытым (хитрость не уживается с мужеством), словно мир – это ничто, он жил по известным только ему законам, не почитая этот мир, целым миром для него являлся кьонах, имя, которое он после себя оставляет.

– Кьонах должен быть уверен в себе, – говорил он, – знать, что он из себя представляет, знать себя заранее, а не начинать изучать, когда уже поздно.

Сколько раз я рассказывал про слова Толака, сына Идала: Зелимхан Харачоевский возвращался со своими товарищами с захваченным из-за Терека полковником, когда на них напали жители одного из сел, не пропуская их. В стычке погибли отец Зелимхана Гушмазука, брат и еще один их товарищ. Говорят, Толак рассказывал: «Я посмотрел на Зелимхана, подумав: «Как же ты поведешь себя сегодня, в день, когда убили отца и брата?» После того, как отбили нападение, Зелимхан уложил убитых на коней и спокойно спросил: «Где полковник? Мы не можем упустить его, найдите его. Гибель наших спутников – всего лишь исполнение воли Всевышнего, ведь необходим же повод для смерти, когда приходит предписанный час, даже если человек только споткнулся».

Нельзя бесконечно сетовать на случившееся, этим делу не поможешь, лишь падешь в глазах людей.

Надо скрепить свое сердце и жить в предвкушении предстоящей мести, мести, что возложил на тебя Всевышний. Именно в ней, в мести, что он совершит, должен находить человек покой. Дружбу надо водить с кьонахами, кьонахи – это столпы всего края. Род человека не важен, был бы он кьонахом. Даже из очень большого рода выходят всего несколько достойных семей. Раньше, в царские времена, старшиной Хилдехароя был Ича, сын Ахматхана, а второй части села – Ду, сын Акбулата. Как-то по пути в Грозный, куда их пригласил генерал (всего их ехало семь старшин от семи обществ: Чанти, Дишни-Мохка, Хилдехароя, Бовла, Терлоя, Мелхисты, Кея), они, решив остановиться на ночлег в Старых Атагах, подъехали к дому местного старшины. Вышедшая к ним хозяйка встретила их не очень приветливо и сказала, что муж куда-то вышел и неизвестно, когда он вернется. «Мы будем там-то, дадим коням передохнуть, когда он вернется, передай ему, чтобы, не мешкая, явился за нами», – сказал Ича и повел спутников к своему знакомому. Его знакомый был молодым человеком, который недавно женился и жил, еле сводя концы с концами. Увидев столь именитых гостей, хозяин несколько растерялся и спросил, хотя не имел не только коровы, но и ни одной овцы: «Ича, барана нам будет недостаточно, может, зарезать корову?», надеясь, что Ича ответит: «Нет, не беспокойся, ничего не надо». – «Режь корову, режь», – ответил Ича, намереваясь позже отблагодарить хозяина. Хозяин вышел навстречу возвращающемуся с пастбища стаду, выбрал самую жирную корову, загнал ее к себе во двор и, зарезав, подал гостям вареное мясо.

Позже, когда они уже отужинали и сидели за разговорами, открылась дверь, вошел какой-то человек и сказал: «Моя корова свернула на эту улицу, следы ведут в твой двор, и в сенях лежит ее голова». Хозяин провел его к столу, усадил, познакомил с гостями и сказал: «У меня не оказалось подходящей коровы, времени торговаться не было, и я зарезал ее, решив, что утром отсчитаю тебе любую сумму». Хозяин коровы, хорошо знавший материальное положение молодого человека, ответил на это: «В таком случае, не важно, чья это корова, твоя или моя. Платить тебе должен бы я, за то, что отвел позор от села, достойно встретив гостей, за это я оставляю тебе корову безвозмездно».

Потом, уже ночью, перед тем, как лечь спать, Ича, который все знал, договорился со своими товарищами: «Этот молодой человек кьонах, хоть и очень беден. Кьонаху тяжело переносить бедность. Завтра, перед тем, как встать, надо дать ему по пять рублей». Утром они, как договорились, дали хозяину по пять рублей каждый, это тогда, когда корова стоила три рубля, и отправились в Грозный.

Завершив свои дела с генералом, они рассказали ему о том неуважении, что выказал им старшина Атагов («такой мужчина не то что старшиной, но и пастухом села быть не достоин»), и попросили заменить его на молодого человека, оказавшего им гостеприимство, добавив, что подобный старшина позорит не только их, но и его, генерала.

Генерал удовлетворил их просьбу и вручил Иче бумагу с печатью, согласно которой прежний старшина Атагов увольнялся и на его место назначался молодой человек, оказавший им гостеприимство.

Таковы они, кьонахи. Тот, кто водился с кьонахами, уважал их, сам становится кьонахом.

Дружба с недостойными людьми становится для человека обузой, которую никак не скинешь. Пасясь за вашим столом, пока у себя ничего нет, они сразу же пропадают, как только дела у них налаживаются. Потом они становятся вашими врагами, товарищами ваших врагов, распространяя, подобно женщинам, сплетни.

Когда мы вернулись из Казахстана, у Сайд-Хасана был друг, который все время проводил у нас, так что многие думали, что он наш брат...

Как-то я, решив купить «Волгу», посоветовался с Сайд-Хасаном, на что он уговорил купить машину сначала своему другу – так, мол, и так, он очень беден, возможно, со временем и расплатится. Клянусь Ади – я клянусь вам своим отцом – после этого тот человек стал нашим врагом, став другом наших недоброжелателей: когда я просил его повезти меня на похороны, он находил тысячу причин, чтобы отказать. «Ссоры» подобных никчемных людей совершенно вымотали меня, ссоры абсолютно пустяковые, эти их сплетни, и каждый норовил привести людей в мой двор: «Я его друг, я его родственник». Я принимал на себя ссоры людей, которые, когда я им говорил: «Ты хоть толкни его, а потом уж я отметелю», не способны были выйти вперед и толкнуть своего врага.

Знаете, какими должны быть друзья? Они должны относиться к тебе так же, как ты к ним, жить твоими радостями, бедами, считая твоих врагов своими врагами.

Друг, которому ты всегда должен оказывать услуги, плохой друг: когда ты оказываешь уважение такому человеку, он воспринимает это как должное и заносится.

Когда его друга Гаму арестовали и сослали в Сибирь (Гама отомстил за своего отца) и его жена, оставшаяся одна с двумя сыновьями, собралась замуж за врагов своего мужа, Бока удерживал ее в течение тринадцати лет, пока Гама не вернулся из каторги, заявляя, что он давно любит ее и женится, только пусть она немного подождет. Друг должен быть таким, опекая твою семью, когда тебя не станет, становясь сыном твоих родителей, деверем твоей жены. Друг должен уважать тебя и за твоей спиной, не только в лицо, оспаривать с тобой смерть, быть готовым первым встретить твою беду, как и радость. Яхь должна быть с кьонахами, которые когда-то жили. Богатство и удача не всегда сопутствуют человеку. Делайте людям добро, когда будет возможность, а то потом придет раскаяние: того, кого обманул достаток, бедность заставила плакать.

Когда мы жили в горах, имея большую отару – тогда вы были маленькими, – я не пропускал ни одного путника, будь то мусульманин или христианин, грузин или бацбиец, не зарезав барана; что там говорить о родственниках, ни одного человека, сидевшего с отцом, не отпустил, не подарив корову или коня, и то сегодня, когда я уже состарился и остался сидеть дома, я испытываю сожаление, что не оказывал им более теплый прием. Не надоело вам? – спрашивал отец с улыбкой.

– Нет, – отвечали мы, улыбаясь в ответ.

– Мне бы не надоело говорить с вами хоть до утра... Идите, отдохните, и время ночного намаза подходит.

Не знаю, почему... вернее, я очень доволен, что тогда, будучи ребенком, я испытывал большую радость при виде отца, доволен, что это осталось со мной и сегодня: не только при виде, но даже при мысли о нем я радуюсь, как и тогда.

Я и сегодня вижу его глазами ребенка, его, перевалившего за восемьдесят лет, с ясными синими глазами, шепчущегося со своими мыслями, находящегося не там и не здесь, а с собой, с одним собой.

Он никогда не был с людьми, даже находясь в толпе, он оставался на страже своей души, характера, слова, слова, которым ему придется ответить, если к нему обратятся.

За свои пятьдесят лет я никогда – не считая четырех-пяти раз, – будь то на похоронах или сходе, не видел, чтобы он говорил, он только кратко отвечал на вопросы, хотя ему и было что сказать, что рассказать.

Однако, когда к нему приезжал погостить кто-то из его близких людей, он долго с ним разговаривал, с таким же кьонахом, как он сам, повторяя часто: «Клянусь Ади», долго смеясь. У него, в основном, гостили Сайд-Али, сын Эски, Мохмад, сын Бисани, Мус, сын Каби, Кюра, сын Овтахаджи, Хасбулат, сын Налбаша, Шадид, сын Бахи, Салман, сын Шовхала, и многие другие, его родственники и люди постарше его. Насколько помню, таким веселым я видел его только с ними, с ними ему было о чем поговорить, вспомнить, с ними он мог посоветоваться. Вот в такие минуты он был самим собой. Открытый с равными себе людьми, он упивался этими минутами.

Лицо его долго оставалось просветленным и после того, как гости уезжали, он мысленно вновь переживал минуты, проведенные с ними.

– Он хороший кьонах, – говорил он нам после, – уважайте его. Когда окажетесь в его селе, навещайте его: наши отцы проявляли уважение к месту, что дало достойного кьонаха и хорошего коня. Достойный мужчина славит не только имя своего отца, но и родины: Зумсовеский Ума, сын Дуя, Автуринский Ахмад, Харачоевский Зелимхан, Мартановский Дуда, сын Исмайла, Шалинский Талхиг... Надо почитать эти места, словно мужи эти и поныне живы. Уважать место, давшее достойных людей, – значит уважать этих людей. Человек должен жить, словно эти люди живы и видят все, жить, соизмеряя свои поступки с их поступками, нужно иметь яхь с ними, их делами. Кьонах рождается лишь в своем Отечестве.

Разгневавшись, он не жалел в наш адрес самых обидных слов, в такие минуты казалось, что глаза его мечут молнии, а из зубов сыплются искры. У тебя горело лицо, тело твое съеживалось, а сердце замирало. «Уйди с глаз моих! Ты не кьонах, что тебе еще сказать?! – и эти слова, последние, вынести было тяжелее всего. А через час или два, когда ты останавливался в его дверях со словами: «Добрый день, Ваши!» – он, словно ничего не произошло, отвечал: «Будь любим Богом, это ты?! Как бы я тебя ни ругал, никогда не уходи, возвращайся, как сейчас, я твой отец, и роднее меня у тебя человека быть не может... А теперь иди, иди по своим делам, смотри, не допусти оплошности», – ссора на этом заканчивалась, как будто ее и не было.

Даже теперь, с высоты своих лет, я не нахожу в его образе ни единой черты, которая бы мне не нравилась, и сегодня я радуюсь ему так же, как в детстве. Когда я пас в горах овец, передо мной стоял образ отца, деяния людей, про которых он рассказывал, их лица, я почти воочию видел их на этих горных тропах.

Они заполняли мой мир, я вел с ними долгие беседы, как будто они были со мной, а я – одним из них. Позже, когда мне исполнилось уже восемнадцать-девятнадцать лет, отец часто навещал меня на стойбище, верхом, замечаемый мною еще далеко внизу.

Собаки, повизгивая, бросались к нему, встречая, как дети встречают мать, ластясь, помахивая хвостами.

Отец спешил, ногой переворачивал их по одной и ласкал: «Э-э, собачка моя, собачка!» Собаки потом устремлялись наверх, ко мне, наперегонки, каждая стараясь добежать до меня первой, словно пытаюсь сообщить мне добрую весть, весть, что приехал отец, и терлись о мои ноги, не переставая лаять: «Не видишь разве, вон он!» – как будто пытаюсь показать мне отца, и устремлялись обратно к нему.

Отец поднимался по склону, улыбаясь глазами, молодо поигрывая плечами.

– Добрый день... приходи свободным, Ваши! – ты спешил взять коня за узды и стремя.

– Будь любим Богом! Как твои дела, не устал? – с улыбкой заговаривал он, смотря в твои глаза, оглядывая с ног до головы. Какие-то мысли будоражили его, радость, блаженство души.

– Хорошо... Нет, не устал, – улыбался и ты, надув щеки.

– Овцы пасутся?

– Да, пасутся...

– Пасутся – это хорошо, – голос его звучал молодо, и взгляд у него был молодой. – Иди домой, дай отдохнуть коню, я приду позже, – окидывал он взглядом овец, которые стояли, повернувшись к нему.

Потом уже, когда возвращался с овцами, он спрашивал:

– Мясо есть у тебя?

– Кажется, есть передняя нога, грудинку и немного ребер, что остались, я поставил варить...

– Ты же хозяин здесь, а прибывший – гость, режь барана. Собакам не давай похлебки, дай сегодня мяса. Знаешь, как надо разделять барана, что зарезал для гостя? Слушай меня: сперва нужно отделить грудную часть. Потом отделяют передние ноги. Затем разрубают ребра, оставляя спину широкой. После этого отделяют спину, перерубив ее у ляжек. Шею отделяют в последнюю очередь, она достается пастуху. Для гостя варят ребра, спину, переднюю ногу, добавив мясо ляжки. Голова и грудинка считаются собственностью гостя, и он имеет право преподнести их, кому захочет. Если в селе имеется родственник или друг гостя, он отправлял кого-нибудь с вареными головой и грудинкой к нему, давая знать, что он остановился в селе и ему оказали гостеприимство. Однако если в селе не было такого человека, он наутро забирал их с собой и подносил в первом же попавшемся на его пути селе достойному человеку, сообщив, где и у кого останавливался накануне на ночлег.

Вот так, со взаимным уважением, относятся друг к другу гость и хозяин – не забывай. Я сотворю намаз и прилягу, разбуди, когда ужин будет готов, – отец, помолвившись, ложился, повернувшись спиной к огню. Он сразу же засыпал. Я слышал его храп, мерное дыхание. Лежал он всегда, свернувшись калачиком, подогнув колени.

Я тихо, издали окликал его, накрывая на стол:

– Ваши, ва Ваши, перекуси, мясо сварилось.

– Э-эх, – проводил он рукой по лицу, – оказывается, я заснул... подай-ка бульон, каков он на вкус, не пересолил?

Он быстро сел, в первую очередь брал щепотку соли и пробовал:

– Рассказывай, как ты здесь. Никто не проходил здесь? Волки не мучают?

– Ничего, все в порядке, – отвечал ты, – и волки иногда появляются: месяц назад, в ненастную ночь, задрали овцу.

– Ненастье – друг волка, волку тоже ведь надо кормиться... Убери теперь, я больше не буду, подай чем руки утереть... Поужинай и сам, я совершу омовение.

Помолвившись и перебрав четки, он говорит со мной, время от времени приговаривая: «Такие вот деяния они совершали», и уходит ночевать под деревянной кровлей у скалы, а я накрываю его. Я ложусь рядом с овцами, с нижней стороны, откуда может появиться волк, для того, чтобы помешать ему.

На землю под себя кладу старый тулуп, подседельник, накрываюсь буркой. Я лежу на спине, смотря в небо.

Ночь темная, черно-синяя, летняя лунная ночь, острыми иголками мерцают звезды.

Сверху, с вершины горы, дует слабый ветерок. Лениво брешет собака, учуяв в ветре подозрительный запах. Овцы лежат, пережевывая жвачку, часто покашливая, доносятся и их сытые стоны.

Проснувшийся рядом с маткой ягненок томно блеет, его успокаивает своим «бе-бе» мать, козы находятся рядом со скалами, слившись с ними, можно лишь различить ноги некоторых из них, вытянутые далеко в сторону.

В голове кружатся мысли, мысли об отце, радость, что он есть.

Ты засыпаешь, видя обрывки снов: свое село, улицу, потом город, общежитие, девушек со своей группы, потом ты видишь себя на лекции, в университетском корпусе, затем с ней, этой девушкой, девушкой с белой походкой, которая заплетает в косички воздух...

Когда просыпаешься, оказывается, что уже рассветает, ты видишь отца на молитве и последнюю затухающую звезду. Ты в ту же минуту разводишь огонь и ставишь мясо, чтобы подогреть. Потом идешь, ловишь коня и трогаешь овец.

Пока ты всем этим занят, с противоположной вершины, сверху вниз, сбегает тень.

– Ну, я поеду, не скучай. Когда мясо закончится, режь барана, тебя кто-то навестит, я или кто другой...

– Я не скучаю, с чего скучать?! Передавай всем привет...

– Пусть с тобой пребудет милость Аллаха! – отец спускается по склону, его сопровождают, часто оглядываясь на меня, две большие собаки, словно провожая его.

Полугодовалый щенок сидит рядом со мной, часто наклоня голову набок и кидая взгляд в мою сторону: «Куда идут эти собаки, почему ты их не зовешь?» Собаки останавливаются на пригорке и садятся рядом. Я кричу:

– Таго, Таго! Качал, Качал!

Они одновременно оборачиваются. Остаются сидеть еще какое-то время.

Когда я, перекинув палку через плечи и положив на нее руки, начинаю подниматься в гору, собаки, одна за другой, трогаются с места. Ты приостанавливаешься, видя пасущихся овец, гордо высящиеся белоглазые вершины. Вдалеке, на дороге, ты видишь своего отца на коне. Ты улыбаешься тогда, увидев отца, вспомнив его черты...

Весной, в начале мая, когда ты приезжал со школы, отец, пересчитав овец, передавал тебе пастушью трость, заявляя, что до осени овцы твои, и наказывая резать барана для гостя и дать им спокойно пастись. Ты запоминал эту цифру, несколько раз повторив: овец оказывалось шестьсот с лишним или шестьсот пятьдесят. Так проходило лето и один месяц осени, овцы паслись сами по себе, ты занимался своими делами.

Осенью, когда наступало время возвращаться обратно, овец пересчитывали, и оказывалось, что их стало меньше, на тридцать или сорок голов.

«Эх, живи ты долго, ну и хорошо же ты пас!» – больше отец никогда ничего не говорил, только эти слова. Он никогда и не ругал из-за каких-то материальных ценностей, если бы даже я растерял всю отару, ничего бы не сказал, лишь приведенные выше слова.

Когда еще совсем маленьким он отправлял в магазин за чем-нибудь, дав пятьдесят или сто рублей, и ты, вернувшись, протягивал ему сдачу, отец гневно отчитывал тебя: «Убери эти копейки, что это ты выдумал?! Не будь таким мелочным, когда сам станешь отцом!»

Когда случалось, что учителя в школе просили принести деньги, рубль или три рубля – не больше – в цирк либо к какому-нибудь праздничному дню, и ты просил деньги у отца, он как-то терялся, словно допустил оплошность, затем шарил по карманам в поисках кошелька и со словами: «На, возьми, это тебе, может еще надо, возьми», – протягивал сто рублей или даже больше, затем

кричал матери: «Эй, женщина, ты где... смотри за детьми! Он же рубль просит у меня, рубль...»

Когда я со старшим братом учился в университете, отец находился в горах, дома был дядя, которого мы звали Джамбул-Ваши, имя-то его было Сайд-Хасан.

Сайд-Хасан отличался крутым нравом, и никто в нашем доме не смел перечить ему.

Когда мы в понедельник, после выходных, собирались обратно в город, деньги на неделю приходилось просить у него. Мы всегда заставляли его спать после утреннего намаза, он обычно лежал, завернувшись с головой в одеяло.

Жена не решалась его будить, не хватало смелости и нам.

Тогда мы втроем (мы с его женой), договорившись, начинали тихо разговаривать, поняв же, что это бесполезно, повышали голоса.

– Что это... что за шум? – вскакивал Джамбул-Ваши, со сморщенным лицом и округленными глазами. – Ваши... нам надо ехать... автобус... если опоздаем на занятия... – заговаривал я, как младший, взяв это на себя.

– Что?! Какие занятия?.. Вы учитесь? Нет, клянусь Ади (он тоже клялся своим отцом), вы не учитесь, а так, шляется... а отец пасет овец... Это же позор, вымахали, как жерди, и отправили отца пасти! Ты, – он показывал пальцем на меня, – ты посмотри на себя, на кого ты похож, ты же ни на что ни годишься, кроме как в пастухи, кол ты неотесанный... Принеси, женщина, бумажник! – и он начинал отсчитывать деньги, слюнявя указательный палец: – Один, два, три... – сгибая червонцы.

Когда в селе кто-то умер и отец приехал на похороны, мы пожаловались ему, что каждый понедельник опаздываем на две первые пары.

Отец долго смеялся:

– Сайд-Хасан шутит с вами, желая, чтобы вы хорошо учились... Денег я вам дам, сколько надо, пошли, – мы прошли за навес, и он положил под шифер тысячу рублей. – Берите отсюда, не говоря никому про них, и у Сайд-Хасана тоже берите. Не будьте жадными. Когда пойдете в столовую, имея при себе деньги, не позволяйте никому платить за себя. Если же у вас не будет, так и скажите товарищам, что сегодня вы без денег, чтобы не подумали, что вы скупились. Говорить «нет» не стыдно, если у вас действительно нет, – стыдно скупились. Более всего Бог не любит жадность. Поняли? Избавляйтесь от скупости, оставив в себе щедрость.

Как-то Джамбул-Ваши сильно заболел – это было позже – да так, что сомневались, выживет ли, и люди приходили навещать его. Когда его привезли домой после операции в Грозном, он позвал меня:

– Подойди ко мне. Я не из ненависти мучил тебя, а потому, что любил тебя, надеясь, что ты вырастешь мужчиной, втайне радуясь, когда ты злился, и, уверенный, что из тебя выйдет толк, еще сильнее кричал на тебя, – сказал он, слабо улыбаясь и смотря на меня снизу вверх.

– Накричи на меня еще, Ваши, – ответил я, – накричи сильнее. – Э-э, да живи ты долго... Если бы ты был другим, это было бы недостойно тебя, всегда так отвечай, – он несильно толкнул меня. – Иди теперь, иди, – наклонил он голову, ущипнув мою руку. В субботу, вернувшись из города, первым делом я заходил к отцу, если он был дома. Он очень радовался, увидев меня:

– Заходи, заходи, рассказывай теперь, рассказывай... Как дела, как товарищи, учиться тяжело? – спрашивал он.

Тогда я рассказывал ему о своих товарищах, учебе, экзаменах.

– Что за экзамен, как прошел, что у тебя спросили? А ты что ответил? – он хотел знать все, подробно, каждое слово.

Я так же отвечал ему, стараясь все объяснить.

Он внимательно слушал, уставившись в пол, иногда бросая взгляд на меня, губы его были тронуты легкой улыбкой.

– Да-а, это хорошо, хорошо... Эту – как ее? – пенсию получаешь?

- Стипендию...
- Да, стипендию...
- Получаю, – отвечал я, – тридцать восемь рублей.
- Тридцать восемь рублей?

– Вообще-то сорок, два рубля удерживают за общежитие, остальное остается мне.

– Каждый человек, – говорил он тогда, – должен заниматься на своем месте своим делом. Ты поехал учиться – тогда надо учиться, получая, как и другие, стипендию, зная, зачем ты там находишься, а я, твой отец, должен кормить тебя, одевать-обувать.

Мус, сын Каби, рассказывал: как-то он гостил у Кошула, в Грузии (Кошул, говорят, был заместителем министра). И этот Кошул заявил ему: «Мой сын не мужчина, Мус, не мужчина он. Я с трудом устроил его в институт, а он явился, купив костюм и брюки, – человек, получающий удовольствие от нарядов, не постигает науки». Как говорил этот Кошул, человек, поехавший учиться, должен учиться, оставив наряды, прически, туфли, а тот, кто работает, должен работать. Всему свое время и свое место. Нарядиться еще будет время, и развлекаться будет. Сначала – учишься, а остальное потом само придет. Ну а товарищи твои кто, откуда?

– Товарищи? Из Шатоя, Ачхой-Мартана, Герменчука, – назвал я ребят, с кем делил комнату в общежитии.

– Товарищей надо беречь, – произнес он, – зная, что ты им говоришь, умея выслушивать их: вежливость ценится везде. Надо учиться слушать, а не говорить: умеющий слушать в десять раз более проникателен. Случай, когда нужно говорить, выпадает редко, если же ты приучишься много болтать, у тебя и этого редкого случая не будет.

Не из всякого получается товарищ: тот, кто являлся другом для всех, остался без единого друга.

Ты же видел, что происходило в нашем дворе, наш дом всегда был полон гостей, в день по десять-пятнадцать приходило. Восемь чужих поминок справил я в своем дворе. Из такого числа друзей у меня осталось всего два-три, остальные, которых считал наиболее близкими, разошлись, а этими тремя я поначалу был и не очень доволен. Таковы люди: имеющий хорошее сложение, произносящий большие речи человек в итоге оказывается ничемным, а в том, к кому относишься с некоторым пренебрежением, обнаруживаешь мужество.

Человека познать нелегко. Пока вы молоды, здоровы, не имеете таких уж больших богатств и проводите время вместе, все хорошие и каждый готов делиться имеющимся. Стоит вам занять небольшой достаток, завести семьи, устроиться на работу и зажить самостоятельной жизнью, из десяти остается один, да и тот оказывается не таким щедрым и достойным, как ты думал.

Богатство, как и должность, обманывает человека, человека недостойного, ему кажется, что так будет всегда. В Гуш-Корте жил один достойный кьонах, Самби.

Когда мы вернулись из Казахстана, мы с Мусом, сыном Каби, отправились к нему в гости, провести вместе время. Когда ночью мы сидели за разговорами о прошедших временах, о кьонахах, Самби сказал: «Ребята, я очень много времени провел рядом с такими знаменитыми на весь край достойными мужчинами, как Зубайр, сын Ески, Мохмад, сын Дунди, Иса, сын Боги, Гада, сын Йоти, и другими. У всех этих кьонахов я нашел какой-либо недостаток, кроме Зубайра, сына Ески, и Мохмада, сына Дунди. И в них я пытался отыскать недостаток, но, клянусь Богом, у меня ничего не получилось». Они были людьми незажиточными, имели всего по несколько овец и коров, и тем не менее прославили свои имена на все Аргунское ущелье, населенное десяти-пятнадцатью родами. Потому что они старались стать Зубайром, сыном Ески, и Мохмадом, сыном Дунди, а не старались не стать ими. Не стать легко. Стать трудно.

Мохмад, сын Дунди, и Зубайр, сын Ески, были истинными мусульманами, брали в долг, но резали для гостя барана, днями, неделями, месяцами улаживали дела людей. Умели держать слово: стоило сказать, что так говорил Зубайр, сын Ески, или Мохмад, сын Дунди, повторять не приходилось.

Поэтому они стали кьонахами, хотя были люди и строинее их, и богаче. И те умерли, и эти, но в людской памяти остались лишь Зубайр, сын Ески, и Мохмад, сын Дунди.

Жил когда-то один бечигхо – их называют и дишнейцами – Кек, сын Кека. Возвращаясь с базара в Ачхой-Мартане, где купил для тестя седло и уздечку, он остановился ночевать в Котар-Юрте, у тестя. «Кек, – сказал тесть, – у тебя останавливается много гостей, может нам с тобой вспахать здесь делянку и посадить кукурузу?»

Кек согласился, и тесть вышел просить займы у односельчан пунт кукурузы, но ему никто не дал. «Будь проклята эта чашка кукурузы, я-то из сил выбиваюсь, стараясь не ударить лицом в грязь: режу для гостя, прибывшего днем, быка, для прибывшего ночью режу барана, как можно не одолжить пунт¹⁰ кукурузы?!» – вскипел Кек. «Ты несправедлив к людям, Кек, – ответил тесть, – несправедлив». – «Почему это я несправедлив?!» – удивился Кек. «Не всякому дано стать Кеком, сыном Кека, не требуй от них невозможного», – пояснил тесть.

Не все же способны стать Кеком, Хазой, сыном Зоки или Мохмадом, сыном Дунди. Даже единокровные братья не бывают одинаковыми: один оказывается жадным, другой – щедрым, третий делает главой семьи жену, советуясь всегда только с ней, хотя есть братья и отец. Словно, случись завтра какая беда, прийти на помощь должна жена, а не братья и отец.

В нашем селе жили братья – не буду их называть, – имеющие большие хозяйства, достаток, занимающие высокие должности. Как-то вечером, когда уже спускались сумерки, я заметил, что к нам, держась заборов, словно боясь, что его узнают, кто-то идет.

Когда он подошел, я узнал его: это был младший из братьев, который жил своим хозяйством, самый бедный из них. Семья у него была большая. Поздоровались, обменялись взаимными расспросами, и я пригласил его в дом. Он откасался и сказал: «Другому говорить я не решился бы, боясь сплетен, мне срочно необходимы деньги, тысяча рублей» Дал я ему денег. Клянусь Ади, в тот день я разочаровался в братьях, понял, что между ними нет согласия и они ничего никому сделать не смогут.

Это скоро поняли и все остальные, когда дочь одного из братьев загуляла. Они ничего не сделали человеку, что спутался с их дочерью, и девушку не тронули. Зато, когда у них возник конфликт с какими-то людьми из-за должности, они устроили поножовщину, зарезав несколько человек.

Через несколько сел отсюда живут два брата. Как-то на базаре, покупая скот, мне не хватило восьмиста рублей, и я занял у одного из них. Когда отправился возвращать долг, я не застал его дома и, передав деньги его брату, вернулся обратно. Месяца через два тот, у кого я занимал, явился ко мне и стал требовать деньги, говоря, что я их брал у него, а не у его брата. Делать нечего, отдал я ему его деньги. Три года провел я, не решаясь упомянуть об этом брату, которому я раньше вернул долг. И тогда он пришел ко мне, услышав эту историю от других, которым рассказал ее брат, а не от меня. «Что же ты раньше мне не сказал?» – упрекнул он меня. «Да как-то неловко было, вы же братья». – «Значит, братья необязательно кьонахи, возьми свои деньги», – вернув мне восемьсот рублей, он ушел. Не много я говорю? – обращается отец ко мне.

– Нет, – отвечаю я.

– Я готов говорить и до вечера, и до рассвета, лишь бы ты хоть что-то уяснил для себя, – сказал он. – Иди, можешь быть свободен.

– Ничего не скрывай от меня, – сказал он мне как-то, – что бы ты ни совершил, плохое или хорошее, это в конце концов вернется в наш двор. Не допусти,

чтобы я узнал про твои поступки через людей, про добрые поступки можно и от людей услышать. Если даже ты убил семерых, приходи ко мне и скажи, так, мол, и так, я убил семерых. Твоя беда – моя беда, твоя радость – моя радость.

Я боялся его, нет, для меня не было более великого князя, чем он, и более близкого друга.

Война, лишения, тюрьма – все это ничто по сравнению с необходимостью предстать пред ним, совершив какой-либо проступок, даже смерть была не так страшна. В этом случае он часами сидел, поставив тебя перед собой, и молчал. В такие минуты тело твое и одежда были мокрыми, по лицу ручьями стекал пот.

– Посмотри мне глаза, в глаза посмотри! – раздавался его крик, оглушая помещение, туманя взгляд, заставляя тебя плавиться от стыда. – Лучше бы ты умер! – сознание твое взывало к помощи. – Прочь с глаз моих! – слышал ты как во сне, надеясь, что это сон.

Когда через некоторое время ты вновь заходил к нему (а не зайти ты не мог: если бы ты не зашел, ты бы был уже покойником, ты не стоил бы и гроша), ты видел отца на паднаре¹¹, лежащим на спине, положив руки под голову, уперев взгляд в потолок, он нервно тряс правой ногой, закинутой на левую.

– Живи ты долго, – слышал ты, – живи ты долго. Ты обо мне не подумал, когда тебе пришла мысль сделать это?

– Я думал, что поступаю правильно, – приводил ты одно из самых невинных оправданий.

– Сколько раз я говорил тебе, что ума набираются у глупцов... Ведь теперь каждый, задумав совершить подобный поступок, вспомнит про тебя и воздержится, – он надолго замолкает.

Потом начинает рассказывать разные истории, он называет имена людей, которые опозорили и себя, и имена своих отцов. Он листал книгу времени и, наконец, говорил:

– Иди, скажи своей матери, чтобы принесла покушать. Я не смогу сделать из тебя кьонаха, если ты сам не стараешься стать им, иди! – голос его в этот момент звучал подавленно, словно для него наступил конец света.

– Ах, какое же огорчение меня сегодня постигло, как же я опозорился! – покачивая головой, словно произошло что-то из ряда вон выходящее, взглянул он на меня, вернувшись как-то с похорон.

– Что случилось, Ваши? – спросил я, думая, что стряслось что-то серьезное.

– Когда мы ехали на похороны, ты стоял в центре села, запрокинув бутылку с лимонадом, выпятив живот, словно беременная женщина. Для мужчины недостойно такое поведение. Как можно животу позволять обмануть себя, живот – это же враг... Позор ведь пастись в центре села! Когда они спросили, чей это парень, я понял, что все, что я вам рассказывал, пропало зря. Да что там мужчины, это и женщины недостойно. Даже самой последней распутницы. Даже если будешь умирать с голоду, не пасись в центре села, отойди куда-нибудь в сторонку. И в Казахстане, когда люди умирали с голоду, я не был таким.

В молодости, когда я учился (сначала в селе, в школе, потом в университете), со мной в гости с ночевкой приезжало много моих товарищей (у молодых людей ведь товарищей бывает много). У меня дома было четыре сестры, незамужних. Редко выпадала такая суббота, чтобы со мной из города не приехали мои товарищи-однокашники, обычно двое или трое. Мы не могли расстаться друг с другом. В дом мы заходили, лишь поздоровавшись предварительно с отцом – так меня научил отец: каким бы важным ни был гость, я не заводил его, не приветствовал отца. И не провожал, не дав ему с ним попрощаться.

Как-то, когда я проводил гостей, посадив на такси, и вернулся, отец позвал меня.

– Ну, проводил гостей? – спросил он.

– Да, проводил, – ответил я.

– Жил такой достойный кьонах, Жарап, сын Точи, – ты видел его. Так вот, этот Жарап рассказывал, что однажды, когда он был молодым, Точи сказал ему: «В таком-то селе живет хороший человек, Мохмад, сын Алтимара. Съезди к нему, дай ему знать, чей ты, переночуй там и взгляни на его дочь – я ее видел, посмотри и ты». Нарядившись, Жарап поехал верхом в то село и, дождавшись сумерек, как будто его в пути застала ночь, он, подъехав к их дому, окликнул хозяев, спросив, примут ли они гостя. Его завели, расспросили, чей он, зарезали в его честь барана, но, сколько он ни оглядывался, ни выходил во двор, не заметил девушки. Мохмад жил в небольшом домике, состоящем из двух маленьких комнат, которые выходили в общие сени. Кроме хозяйна, его жены и их маленького сына, никого не было видно. Пока он сидел и размышлял: «Или я не туда попал, или Точи ошибся», хозяин произнес: «Гость, располагайся. Эта комната сегодня твоя», и вся семья направилась в соседнюю комнату. «Я долго прислушивался, – рассказывал Жарап, – не донесется ли девичий голос, но так и не услышал». На второй день он не выезжал до полудня в надежде увидеть девушку.

«Ну как, увидел девушку, как здоровье Мохмада?» – встретил его отец, когда он вернулся. «Мохмад поживает хорошо, меня принял очень тепло, правда, дочери у него нет». – «Дочь-то у него есть, но она не из тех, что разгуливает по соседям или по селу, поэтому тебе ее и не показали», – ответил на это Точи. – Ты молод, – продолжал отец, – кто в молодости не был молодым, не становится, повзрослев, и взрослым, люди хранили своих девушек от чужого взгляда так, как Махмуд свою дочь.

Когда к тебе приходят твои товарищи, все четыре девушки хлопочут вокруг вас, хотя дома находится твоя мать, мачеха, младшие братья. На стол должны подавать не твои сестры или дочь, если она имеется. Их дело готовить, заносить же еду и ставить ее на стол должны мужчины, можно и матери – она твоя мать. Когда спрашивали: «Кто самый храбрый и наглый?» – наши отцы отвечали: «Молодой человек, созревший для женитьбы».

Товарищи, которых ты приводишь, они молодые люди, – поглядывают на спину твоей сестры или дочери, когда она отвернется, на лицо, когда она повернется к вам.

Умные люди не позволяют девушкам крутиться перед мужчинами, я говорю не о тех, кому это все равно.

Нередко человек, называя себя твоим другом, занимая почетное место в твоём доме, обнимаясь на правах брата с твоими сестрами, завтра-послезавтра становится мужем твоей сестры, покрыв тебя позором: женщина способна родить от любого, был бы он мужиком, она не выбирает кьонаха.

Я говорю тебе не о хлебе – хлеба у нас довольно, я говорю о том, что видел, что случалось с людьми. Не познавший беды беды не боялся: там, где нет скромности, нет и Бога. Только из-за того, что отец – кьонах, женщина не удержится от блуда. Твои женщины для чужих мужчин то же самое, что чужие женщины для тебя. Стать сторожем девушки так же невозможно, как закрыть реку на замок. Женщина и река одно и то же: река останавливается только в море, место, где останавливается женщина, тебе и так хорошо известно.

Я не говорю, что у тебя нет ума: ты разумен по своим годам, не более. Ты не видел – я видел.

До нашего выселения в горах жил один человек, Малак, он имел небольшое хозяйство, промышлял торговлей. Жили они одни со старухой, детей у них не было.

Как-то из Соьлжа-Ггалы¹², куда поехал по торговым делам, он привез одного дагестанца, который просил милостыню, договорившись, что за еду тот будет присматривать за его овцами. Дагестанец был человек в годах. В том же селе жил богач, имевший много овец и скота, Жовбетар. У него были взрослые сыновья, шесть-семь, и дочь, родившаяся позже. Сыновья Жовбетара были очень гордыми, самоуверенными, имели своих пастухов, а сами разъезжали на отменных скакунах, не пропуская ни одной вечеринки в округе.

Жовбетар за три овцы купил у Малала того пастуха присматривать за откормочными бычками: давать им сено, убирать навоз.

В первый месяц второй зимы дочь Жовбетара, взяв с собой все деньги и золото отца, бесследно исчезла из этого села вместе с тем дагестанцем. Девушка эта была прекрасна, как солнце. Их так и не нашли. Не перенеся горя, Жовбетар скоро слег и скончался. Оставшееся богатство растранижили сыновья, которые вскоре сами сгинули: двое погибли в набегах, троих репрессировали власти, один прибился в Казахстане к какой-то русской и остался там, не возвращаясь домой, последний чабанует в степях Калмыкии, забытый всеми. Видишь, что с ними стало, какую беду навлекла на всю семью эта девушка! Девушка – это синее пламя, которое можно потушить только огнем. Позор, навлеченный женщиной, никогда не смывается, обязательно останется пятно, с парнем-то проше.

– Случившееся по моей вине я сам улажу! – самоуверенно заявил я.

– Не улаживай, лучше остерегайся, тогда и мстить не будет необходимости, – сказал отец. – Люди оберегали женщин, даже когда они, покинув отчий дом, выходили замуж: совершенный ими в замужестве проступок порочит твой дом, ведь в первую очередь называют твое имя: «Дочь того-то, сестра того-то...» Именно поэтому люди и выдают свою дочь или сестру не за кого попало, а только за того, кто способен оберегать ее, зная, что это женщина.

Для женщины нужно искать кьонаха, а не богатство, времена, когда выбирали достаток, прошли: сегодня другие времена, нынче женщины на улице, а не у своих очагов, они теперь с мужчинами, смешавшись с ними.

Я видел, очень много видел, ты же только слышал. Видеть и слышать – это не одно и то же. Помнишь, ты недавно повез меня в город, в больницу?

– Помню, – ответил я, все больше убеждаясь, что он прав.

– Живи ты долго, – продолжал он, – кто раньше видел обнаженную ногу цвета молочной пены, ее колено (сегодня, вспоминая времена, когда я был молодым человеком, я вспоминаю девушек той поры как сонное видение, видя картину сегодняшнего дня: обнаженные девичьи бедра, пупки, выставленные напоказ груди)! В твои годы меня пробирала дрожь при виде девичьей шиколотки, там, где полы платья доходили до туфель... Я говорю как отец, дай Бог тебе дожить до того дня, когда у тебя самого подрастет дочь, и ты поймешь меня – беспокойство отца за дочь не проходит до того дня, пока дочь не станет матерью семейства и не постареет.

Иногда, вспоминая свое детство, связанное многими воспоминаниями с улицей, с которой при взгляде наверх открывался вид на синий хребет, вспоминая алычовые деревья вдоль заборов, наш паднар, печь с плитой, печенную на плите картошку, нарезанную кружочками, мне кажется, что мое детство было интереснее, чем у моих детей.

Может, это оттого, что нас был много, одиннадцать детей в одном дворе, вместе с двоюродными братьями же и сестрами – более двадцати. Помню, бабушка, посадив нас в ряд, хлестала нас прутиком по рукам, прикрикивая: «Ешь из своей чашки!» – и не отходила, пока мы не заканчивали есть. «Вставайте теперь, вставайте, – говорила она потом. – Вы не цари, чтобы целый день сидеть за столом, кто закончил – выходите». Когда резали барана, варили голову и ноги, кончик языка отрезали ножом и выкидывали; нам объясняли: тот, кто ест кончик языка, становится доносчиком.

Мы очень боялись этого слова, слова доносчик, хотя не имели понятия, что оно означает. Когда народ вернулся из Казахстана, в нашем доме только и было разговоров о доносах людей друг на друга в годы высылки. Они называли этих людей по именам, проклиная каждое имя.

Кажется, мне было пять лет, когда мой брат поджег заготовленное на зиму сено: мы играли в спички, зажигая их и бросая друг в друга; было это вечером, когда спускались сумерки.

Моему брату – он был на два года старше меня – скоро это надоело, и он стал бросать спички на сено, разбрасывая разгоревшееся сено.

Я кричал, чтобы он прекратил. Наконец, пламя разгорелось так, что мы уже не могли его потушить.

Мы спрятались на крыше сарая, наблюдая поверх края шифера за бушующим пламенем. Сена был много – длинная высокая скирда.

До нас доносились крики, среди которых различались голоса отца, дядей, соседей.

– Ищите двух мальчиков, мальчиков ищите! – кричал отец. – Оставьте сено, отыщите мальчиков, посмотрите, не сгорели ли!

Поняв, что отец считает, что мы сгорели в огне, я расплакался. Оставив пожар и бегущих людей, отец снял нас с крыши сарая и, пытаясь успокоить, начал с улыбкой приговаривать:

– Не плачьте, живите вы долго... Лишь бы вы были живы... А сено... Пропади оно пропадом!

В ту ночь нас не били – бабушка спасла от гнева Джамбула-Ваши. Она покормила нас молоком, накрошив туда лепешку, и калмыцким чаем. Потом стала рассказывать сказки, хлопая ладонью по колену, притворяясь, что смеется, чтобы рассмешить нас: «А лиса и говорит...» Затем попросила меня назвать имена предков, вытянув пальцы, чтобы по мере того, как я начну называть, сгибать их по одному. Я запнулся на третьем имени.

– Начни снова, – сказала она, – называй быстро, словно считаешь. Тогда я стал быстро называть:

– Каха, Бона, Ломаро, Ломаро, Хеза, Хаси, Цинто, Амаг, Дерказ, Адам, Мози, – не скрывая удовлетворения, что справился.

Хати приласкала нас и, достав откуда-то из-под матраса, протянула нам головки сахара.

– Что случается с тем, кто доносит на других? – спросила она нас.

– Попадает в ад, – сказали мы одновременно.

– Не ябедничайте друг на друга, – проговорила она потом. – Если даже вас убьют, не говорите: «Это не я поджег». Потом, когда повзрослеете, вы будете рассказывать об этом со смехом. Не ябедничайте, усвоенное щенком, осталось за кобелем, хорошо?

– Да, – ответили мы.

В своих воспоминаниях о детстве мне нравится не столько само детство, сколько то время, уклад жизни, порядки, когда весь мир принадлежал одному тебе: дом, улица, окружающие тебя картины. Мне мила сегодня семья чеченца, в их числе и наша, которая жила традициями предков, когда и язык, и еда, и одяние, и хозяйство, и телега – все было в духе чеченца.

Тогда и я рос чеченцем, точно так же и окружающие, не имея ничего наносного, чужого, в традициях отцов, в соответствии с их деяниями, умея с малых лет отличать хорошее от плохого, умея отказаться от ненужного, взять полезное.

Сегодня же, когда я повзрослел и у меня самого появилась собственная семья, когда увидел чужие края, познал другие народы и языки, иные нравы, я нахожу себя более раскованным, чем в детстве, вижу, что несколько ослабил пути, которыми прежде связывал себя.

Я вижу, что я теперь другой, не совсем такой, каким был в мои годы отец, и дети эти не похожи на меня, на детей моего детства.

«Почему, – спрашиваю я себя, – почему это время, годы, дни, проведенные с отцом, так тяжелы для меня, почему они вызывают в душе боль, словно я потерялся где-то, забыл свои годы, словно время умчалось вскачь, а мы с отцом остались далеко позади?»

Я не знаю, что это, отчего сердце гложет тоска или почему при взгляде на отца меня охватывает печаль: всю свою жизнь я расставался с отцом с мыслью, что, возможно, вижу с ним в последний раз, при новой встрече меня охватывал

страх, что, может быть, больше не увижу его, потом, вспоминая свои встречи с ним, надеялся увидеть его еще.

Я никогда не был наедине с собой, а лишь с мыслями об отце, которого я видел либо взглядом, либо сердцем, перелистывал, как воспоминания о госте, дни, когда я видел его или думал о нем, откладывая их в памяти, чтобы они плавно перешли в воспоминания.

И никогда, ни единого раза – с самого детства до сегодняшних дней – за свои пятьдесят один год я не видел себя в объятиях отца, так, чтобы руки отца сомкнулись за моей спиной.

Обычно он смотрел прямо в глаза, его глаза, словно живые, ласкали нас, излучая тепло. Может, оттого мне кажется, что отец никогда не давал насладиться собой, не раскрывался полностью, а как бы знакомился с нами день за днем, понемногу, оттого ли, что он всегда был с нами как гость, он был для меня столь дорогим, и моя любовь к нему оставалась всегда неутоленной, мое желание познать его...

Эти войны, эх! Эти войны, лишения быстро состарили отца: безвременная кончина его младшего брата, Джамбула-Ваши, смерть единственной сестры. Он остался один, этот мир покинули два его брата и сестра.

Их было всего четверо.

– Смерти я не боюсь, – говорил он часто, – тяжело перенести две смерти: одна из них – физическая смерть, вторая – это когда ты остаешься один, без человека, с которым ты мог бы поговорить по душам, в ожидании своей смерти. Мне было бы легче умереть сегодня, чем терпеть это одиночество. Знаешь, что значит одиночество для кьонаха? Когда ты вконец обессиливаешь, лишаешься товарищей, которые знали, кто ты, что из себя представляешь, когда из своих сверстников остаешься один, – ты попадаешь в объятия одиночества, и все твои воспоминания связаны с теми, кто обрел покой на кладбище. Только сны, в которых вижу умерших, немного придают покой, уверенность, что когда-нибудь, если на то будет воля Всевышнего, встречу с близкими, отошедшими в мир иной, лишь на это и уповаю.

Когда в стране начался этот бардак, в начале девяностых, когда одна женщина (моя бывшая преподавательница в университете – тогда это была красивая женщина и многие студенты влюблялись в нее), разбив перед зданием Совета министров палатку, объявила голодовку, заявив, что не прекратит ее, пока депутаты не сложат свои мандаты (я видел ее потом в конце второй войны в городе, она, помешавшаяся, шла, потрясая кулаками, разговаривая сама с собой) – отец спросил меня, когда я вернулся из города:

– Что в городе, что говорят люди?

– Советская власть рухнула, – ответил я. – Не только в Чечне, а во всей стране.

– Советская власть? – переспросил он – Да, власть большевиков пала.

– Власть большевиков, может, и пала, но, клянусь тебе, не пала власть русских, и не падет, во всяком случае для чеченцев: для нас она падет в последнюю очередь, не верь этим разговорам, это неправда. Для нас, чеченцев, любая власть – царская, советская или какая другая – это прежде всего власть русских, которые истребляли наших отцов и дедов, завоевали нашу страну и сели на нашу шею, обложив народ данью и выкачивая из земли полезные ископаемые, не будь слишком наивным, не верь этим разговорам, продадут тебя люди, ничтожные люди... Это чей-то заказ, от нас ничего не зависит.

Я не поверил, мне трудно было в это поверить, мне не хотелось верить.

– Сны я вижу, – сказал он мне. – У меня недобрые предчувствия от этих снов, и я никогда их никому не рассказываю: всех моих родных убили сны, и теперь я живу в ожидании чьей-то смерти.

В третью зиму второй войны (с начала первой войны умерли мои мать, брат, дядя, двоюродный брат, жена дяди и единственная сестра отца), когда стали систематически, по две за одну неделю, проводить «зачистки», отец спросил меня:

– Ну как, рухнула власть, идет где-нибудь, кроме как у нас, война?

Войны нигде больше не было, она шла только здесь, в Чечне, название государства было Российская Федерация, строй называли демократией.

В последнее время я редко вижу отца: я живу в городе, вернее там, где когда-то стоял город, бело-зеленый город моей юности.

Я вспоминаю эти годы, годы, казавшиеся тогда бесконечными, и ту девушку, и других девушек, счастливые юные годы, зуд в деснах, неземную душу, легкую походку... эх...

Потом, сегодня, нынешний город с заросшими пустырями: редкие прохожие, дома в руинах, голодные собаки, змеи, огороды в бурьяне.

Напротив своего бывшего дома (который я купил, скопив денег за девять лет, работая в Сибири от зари до зари, теперь он уничтожен вместе с моими книгами, записями, фотографиями и воспоминаниями, на его месте большая яма от бомбы, словно котлован для водохранилища), в небольшой уцелевшей времянке, разбитые окна которой забил клеенкой, я сижу при тусклом свете свечки в ожидании рассвета и пытаюсь писать, приспособив под стол дверь (подложив под нее ящик), прислушиваясь к раздающимся взрывам.

Меня все время сопровождают мысли об отце, я никогда не забываю его. Для меня нет ни войны, ни горя, когда я его вспоминаю, ни лишения, ни несчастья, есть лишь знание, что меня видит Бог, и мысли об отце.

Мне вспоминается улыбка, появляющаяся на лице отца при виде меня, слабая улыбка, обнажающая зубы, его взгляд снизу вверх, его молчание в ожидании моего приветствия.

– Добрый день, Ваши! – ты тоже улыбаешься, смотря на сидящего отца сверху.

– Будь любим Богом... Приехал? – он, с застывшей на лице улыбкой, ласкает меня взглядом. – В моем возрасте считают не годы, только дни... Я надеялся, что ты приедешь сегодня или завтра... Твои братья не умеют меня успокоить, да и мне с ними не так весело, как с тобой... Давай зайдем, – он встает и первым проходит в дом.

Он стал маленьким, круглым, шажки мелкие, осторожные, шаркающие.

– Садись, – просит он, когда мы входим, – садись, делай, как я говорю... За эти две войны мы потеряли шесть близких нам людей, шесть человек – это ведь много...

Я медлю, не сажусь, тело мое испытывает стыд, тело отказывается повиноваться, ноги топчутся на месте. Отец понимает мое состояние.

– Возьми маленькую табуретку и присаживайся у входа... поговори со мной немного, скоротаем время, дни стали очень длинными, ночи-то проходят быстро...

Я долго вожусь, не садясь, с табуреткой в руке, оглядываясь вокруг. Потом, наконец, сажусь на низенькую табуретку, весь сжавшись, положив руки между коленями и устремив взгляд в пол. Кажется, что тело шарахается от самого себя.

– Ваше время еще впереди, мое же уже прошло... Война, тяготы, предстоящая смерть – это все не так уж страшно, главное – не уронить чести. В жизни нет ничего страшнее, чем бесчестие. Умереть, пока в чести, – это счастье для кьонаха. Да не умрешь ты в бесчестии, ни ты и никто другой, знающий себе цену.

Алюб, сын Бачи, – помнишь его? – был славным кьонахом, щедрым, мужественным, и жена его была хорошей женщиной. Она вышла за него, отсидевшего срок, когда мы вернулись из Казахстана, узнав, что он из себя представляет – настоящая женщина прежде оценивает мужество мужчины, – хотя родные отговаривали ее, говоря, что он пожилой. Позже она умерла, оставив трех сыновей, умерла при родах.

Эти дети довели его, когда он уже состарился, до болезни, занимаясь кражами, влезая в долги, слово его уже не ценилось, к нему перестали приходить гости. Теперь дети разъехались, и он остался один, и даже по нужде его выносят

чужие люди, и живет он тем, что подадут соседи, на радость недоброжелателей, которые не стоят и его мизинца.

Я знал Аюба. Если бы не Аюб, в Казахстане много людей умерло бы от голода, даже из тех, кто сегодня любит судачить о нем.

За год до нашего возвращения из Казахстана какой-то бригадир, казах, надругался над девушкой пятнадцати-шестнадцати лет, чеченкой, говорили, что он гулял с ее матерью – были и такие, да истребит Бог их род, которые не были хозяевами своим семьям, женам.

Возвращаясь поздно вечером с работы, Аюб увидел за стоянкой для тракторов и комбайнов окровавленную, в разорванной одежде девушку, которая пыталась повеситься на комбайне. Успокоив ее, приласкав и наказав ждать его, Аюб пошел к себе, взял платье жены – жена его была уже пожилой женщиной, бездетной, она там и скончалась, – передал его девушке, запретив кому-либо рассказывать о случившемся, в ту же ночь отправился к этому казаку прямо домой и зарезал его, нанеся тридцать два ножевых ранения. Так и не признавшись, за что убил бригадира (чтобы уберечь девушку от бесчестья), он отправился на зону, приговоренный к пятнадцати годам. Аюб был таким, в районе, где он жил, никто не осмеливался сказать слово чеченцу.

Посмотри теперь, до чего он дожил! Клянусь Ади, услышав про то, что с ним произошло, я заплакал из жалости к нему. Къонаху нужно везение, чтобы умереть, пока он почитаем. Кто сегодня способен понять Аюба, кто знает, что он из себя представляет – нас, знающих его, осталось всего два-три человека. Этот мир ничто, мир – это сон, увиденный на рассвете, который окончится, стоит тебе проснуться, – говорит он словно себе, не смотря в мою сторону, говорит своим мыслям, воспоминаниям, видя перед глазами другое время, другие годы. – В чем вина Аюба? – продолжает он. – Аюб же прошел Казахстан, терпя голод, холод, тюрьму, он же не раз шел на смерть ради чести народа.

Если бы из его сыновей – будь они прокляты! – хоть один знал, кто его отец, Аюб не опозорился бы сегодня так... ведь даже устроившись водителем, можно прокормить семью. Если бы хоть один из них остался при отце, чтобы присмотреть за ним, недоброжелатели не чесали бы языками, ведь Аюб был къонахом... Я рассказал тебе про это от обиды за него... Что в городе нового, так же мучают людей, как в селах?

– Ничего особенного, то же, что и здесь, – отвечаю я, чтобы не беспокоить его, умалчивая о еженощно уводимых людях, которые затем пропадают без вести.

– В Казахстане было не так тяжело, – говорит он потом, – людей, правда, много умерло, но... не было такого гнета, только голод... выдержать голод было очень трудно, немало людей вырывало хлеб из рук домочадцев – нищета притупляет чувство стыда, словно его и не было, – отец снова замолкает, снова остается наедине со своими воспоминаниями, словно уходя в забытие.

Он долго сидит, вслушиваясь в себя, шевеля губами под свои воспоминания, время от времени выбрасывая руку вперед, кивая кому-то: «Да, да».

– Тяжелые нынче времена, – говорит он потом, – очень тяжелые, времена, когда къонах бессилён постоять за себя... люди рыскают толпами, стаями... что может поделаться один человек или одна семья?! В детстве у меня из головы не выходил Мазлак¹³: «Эх, неужели в чеченском краю не нашлось ни одного къонаха, чтобы убить его?! Ведь все, что с ним могло случиться за это, смерть, своя собственная или одного родственника». Ведь допустить, чтобы такая собака сдохла своей смертью, – это позор для всего народа, они развращают народ: видя, что подобное сходит с рук одному, другие тоже за это принимают... в детстве у меня не раз возникло желание попросить отца, Ади, убить этого Мазлака...

Сегодня, видя эту картину, я размышляю: «Что можно поделаться с человеком, которому власть дала оружие, солдат, разрешение безнаказанно убивать?!» Власть, оказывается, невозможно победить, даже если она состоит из одного человека, за которым стоят Петербург, Москва, Америка...

Мазлаки расплодились, с той стороны и с этой... Они истребляют народ ... невозможно выйти, чтобы добыть пропитание для своей семьи – убивают, обвинив в участии в боевых действиях, и того убивают, и другого, есть подонки, которые, врываясь по ночам в дома, убивают из-за денег... Это позор, позор перед соседними народами, наши недруги злорадствуют... Нам надо бы остановиться, зная, что это провокация, что нас заставляют убивать друг друга ... Но мы не остановимся, нам и не дадут прекратить эту бойню, пока не истребят одну сторону...

Какие-то народы, о существовании которых мы прежде и не догадывались, какие-то зажавшиеся люди ради своих корыстных интересов с давних пор играют нами, играют, как кошка с мышкой, не насыщаясь нашей кровью, все больше входя в раж, чтобы в тот день – день, который грядет – мы стали самым слабым народом в ДегГасте¹⁴, и тогда превратить нас в рабов, став безраздельными хозяевами нашей земли... Тяжело мне это видеть, очень тяжело... Ты тоже в этом виноват – и ты, и все вы... Вы же были людьми грамотными, образованными, вы видели чужие края и страны, жили среди чужих народов, знали характеры людей, нравы... Не уберегли вы эту землю. У вас не хватило ума и мужества, чтобы не допустить войну, хотя видели, что это провокация.

Я претерпел в жизни много лишений: власть убила моего отца, бросила в тюрьму мать, сожгла мой дом, выслала меня в Казахстан, где я вел голодную сиротскую жизнь, я еле выжил и вернулся, испив полную чашу страданий и горя... Для чего мне сегодня эти муки и страдания, словно мало того, что пришлось уже пережить?!..

С народом сегодня произошло то же, что происходит в семье, в которой царит взаимная вражда. Враг в первую очередь сеет вражду между людьми, говоря одному, которого задумал убить: «Ты-то хороший, но вот он тебя ненавидит», и ссорит его с друзьями. Братьев, страну, народ, в котором и в горе, и в радости царит согласие, невозможно покорить, потому что они сообща решат, что нужно делать, а чего делать не следует.

Если бы в нашем народе было согласие, здесь не случилась бы война, а если бы и началась, она быстро бы завершилась, а не тянулась, как сейчас. Мы же сами не даем окончиться этой войне, наши языки, доносы друг на друга... Откуда русский, прибывший из Сибири, знает, где находится тот-то и тот-то, если третий не донесет на него?!..

И победители, и побежденные из нас – обе стороны побежденные, потому что мы пальцы одной руки. Тот, кто с помощью власти улаживает свою ссору, тот не кьонах, тот, кто руками врагов мстит своему недругу, тот враг всего народа... Башня, построенная на века, рухнула, и правитель, ставший у власти, как он думал, навечно, умер. Они оба умрут: и тот, кто донес, и тот, на кого донесли, однако грош цена тому человеку, кто прожил эту жизнь, презирая себя за подлость, отторгнув Бога, даже если он был обладателем всех богатств пророка Сулеймана... Это все когда-нибудь завершится: любая война рано или поздно заканчивается, любые страдания забываются, кроме страданий Судного дня, и все же, все же, когда-то это был край, где жили мужчины, кьонахи, где царили скромность, достоинство. Где, в конце концов, сын верил в слово отца, воспитанного в лучших традициях народа... Наш народ не имел права так ослабнуть, так низко пасть, что некому издать клич: «Эй, люди!» – некому откликнуться на него: «Мы тут!»

Обмельчал наш народ сильно, забыл, что он хозяин этой земли, словно живет в чужом краю, словно он здесь обитает временно, по приглашению: у народа, пребывавшего в зависимости от более многочисленного, сильного народа, притупляется чувство собственного достоинства, каждый в нем старается спасти свою шкуру, предать другого за кусок хлеба.

Никто, кроме Всевышнего, не в силах погубить народ, живущий едиными понятиями о добре и зле. Народ, который знает, что все – и плохое, и хорошее

– от Бога, и ищет причины своей трагедии в себе, выйдет на путь истины, не станет делить себя на «своих» и «чужих», как мы...

Отец замолкает, переводя взгляд вниз, на свои ноги, веки, словно их покинула жизнь, не двигаются глаза, в которых застыли слезы, устремлены в одну точку...

Я сижу молча, мне нечем ему возразить, мне, который все это видел, познал, пережил.

Сколько я бегал, сколько взывал к обезумевшей толпе на митингах: «Эй, люди, не дайте себя обмануть, не поддавайтесь на провокации!»

Ничего не получилось ни у меня, ни у других: все уже было решено, спланировано, кого надо было купить – купили, продажные продались...

– Берегитесь, – слышу я через какое-то время голос, возвращающий меня отсюда, из мрачного прошлого, – берегитесь этого времени... За последние десять-пятнадцать лет все смешалось: тот, кто не был хозяином собственной папахи, возглавил отряды, рабы обогатились, трусы вооружились...

Ведь сказал же Аллах: «В народе, который проявит Мне неповиновение, проповеди будут читать лживые муллы, богатствами владеть скупцы, оружием – трусы». Эти времена, когда невозможно определить, кто прав, кто нет, когда правым считает себя победитель, предрек еще Пророк (да благословит его Аллах и приветствует)... Оно, это время, опозорит вас, если не будете осторожными, будьте осмотрительными... Убийца ныне легко может скрыться, ведь все границы открыты... не прощайте обиды ни власти, ни людям, живите в согласии, не принимайте решение каждый от себя, а говорите: «Посмотрим, мы посоветуемся». Тогда люди поймут, что вы дружны между собой. Села, в котором царило согласие, остерегался весь край, двух братьев, которые жили в согласии, не смогло победить целое село...

Мне от вас ничто не нужно, кроме одного: дайте мне спокойно умереть, мне и осталось недолго, стоит приключиться какой хвори, и все – дни мои сочтены... Сердце у меня побаливает, и ходить долго не могу... Ади вижу часто во сне... Боюсь, что скоро расстанемся, вернее не боюсь, а тоска какая-то гложет, словно я умираю в каком-то безлюдном краю, без могилы, в это смутное время, которому не видно ни конца, ни края... Хорошо, что приехал, очень я соскучился, не имея собеседника, чтобы поговорить, поделиться мыслями. Помолюсь теперь, не опоздал ли... впрочем, чем позже совершишь ночной намаз, тем он угоднее Богу...

Поухаживав за отцом, пока он совершает намаз и ужинает, постелив ему постель и подушку, уложив его и пожелав доброй ночи, я медленно иду к выходу, слушая его последние – последние в эту ночь – наставления: – Боюсь, что мои похороны будут малолюдными, среди мюридов никого из вас нет... Вы приезжаете из города на чужие похороны, выражаете соболезнование и уезжаете, а ведь эти люди потом пригодятся вам. «Собака ты, собака, – сказал Асхаб своему брату, который не молился, не постился, пьянствовал, – на твои похороны никто не придет, собака». Сам Асхаб был уважаемым, набожным человеком. «На мои-то похороны придут, а вот на твои – нет, – рассмеялся брат. – На мои похороны придет много народа, говоря, что умер брат Асхаба, а на твои никто не явится, они скажут: Асхаб умер, а выражать соболезнование его брату или нет, не имеет разницы».

Вам надо бывать среди людей, когда меня не станет, до сих пор-то этот долг выполнял я и за вас, и за себя. Оставайтесь кто-нибудь один в селе, деля с людьми их радость и горе, пусть лучше это будет старший из вас, – говорит он, как будто делая завещание, и натягивает на себя одеяло.

– Хорошо, Ваши, – отвечаю я, отворяя дверь, когда он произносит молитву, и выхожу.

Я, видя состояние отца, видя, как он постарел, чувствую, что его последние слова лишают меня сил, в эту тихую печальную морозящую ночь, когда, расставшись с отцом, остаюсь один в соседней комнате, словно сирота, при свете лампы смотря в окно, наедине со своими мыслями, печалью, которую не могу ни назвать, ни описать, меня обволакивает какая-то грусть, длиною в годы, не имеющая ни начала, ни конца, как будто всегда сопровождавшая меня, мои годы, словно воспоминания моих безрадостных дней, какая-то далекая грусть, радость, сожаление.

Это какая-то иная мысль, мысль жизни воспоминаний, видимая не отчетливо, а какими-то кусками, обрывками, словно все картины состоят из разных частей – сперва вижу ребенка, потом молодую женщину, где-то далеко молодого человека, и все эти картины оказываются рядом: и ребенок, и голубое небо, и облака, и щебечущая ласточка, и молодая женщина, и тот человек – все вместе, рядом, застыв: и небо, и облака, и солнце в зените, белый свет, сизый воздух...

Какая-то печаль живет со мной, с моими мыслями, характером, как будто это когда-то было – все это, я не могу выделить что-то конкретно, лишь грусть о былом, воспоминания о воспоминаниях, и забытое будущее...

Больше не увидеть – кажется мне – не увидеть больше эти сны, не быть больше этим кьонахам, отцу, тебе, вашим отношениям, воспоминаниям, оставшимся вам... эх!

Неужели все это сгинет бесследно, все происходившее под солнцем, не вернется больше и некому будет вспоминать об этом...

Неужели этих кьонахов не будет более или подобных им, чистосердечных, как дети, старевших только годами, гостеприимных, не имевших иных богатств, кроме своей чести, этих свободных людей, которые были примером для народа, страны, ее гордостью...

Меня гложет какая-то тоска, непонятная, об уходящем поколении, об этих людях, отце, и снова об отце, словно с их уходом рушится целый мир, на глаза наворачиваются редкие тяжелые слезы (не от плача, от печали в эту темную, плачущую ночь), словно я остался один, наедине с собой... видя другое время, оставшееся далеко позади, приязни прошлого, которым уже не повториться, время, которое бесследно исчезнет с горечью расставания, вместе с моими годами, днями, воспоминаниями, радостями...

2001-2005 гг

Перевод Сулимана МУСАЕВА

1 Хилдехарой – этнический центр горной Чечни.

2 Подстрочный перевод.

3 По обычаю, сноха не называет родственников мужа по имени; К1ант – букв.: парень.

4 Алим – ученый-богослов.

5 Кьонах – настоящий мужчина, молодец, человек, наделенный всеми высшими добродетелями.

6 Мелхиста – этнический центр горной Чечни.

7 Яхь – гордость, благородство, соперничество в добрых делах.

8 Адат – народное право.

9 Зикр – религиозный обряд, коллективное восхваление Бога.

10 Пунт – пуд.

11 Паднар – деревянный топчан.

12 Сьолжа-Г1ала – г. Грозный.

13 Ушаев Мазлак (1897 – 1938) – уполномоченный ВЧК, военком, начальник милиции Чеченской АО в 30-е годы.

14 Дег1аста – Отчизна.

Пушкин Александр**Евгений Онегин**

Роман байташкахь

Чаккхе. Юхь еша № 9, 2014 ш.;
 № 9-10, 11-12,
 2016 ш.; № 10, 11, 2017 ш

ВорхIалгIа корта

Москох, хьо йоI Россенан хьоме,
 Карор юй-те хьо саннарг кхи?

Дмитриев

Муха езац Москох хьоме ?

Баратинский

Москохана луй!
 Дуйне гар и муха, хIай?
 ХIу туш гIоле?
 Доцург вайн.

Грибоедов

I

БIаьстенан зIаьнарша лобьку
 Лайш ду ломахь эшна де,
 Ювраш цара охьа хобьку
 Хи клел Iа басешна тIе.
 Iаламо тIелоцу, кьежаш,
 Набарх Iуйре, яхнарг Iана,
 Сенло стигланаш го кьегаш.
 Хьаннаш, ерш цьвачунна чIана,
 Баьцара до ловзош лаьтта.
 Накхармоза, ясах лаха,
 Балозан бен чуьра баха.
 Дакьало аганаш лаьттан,
 Даьхний Iобьху, зарзар деха
 Буса йиш шен лобькуш еха.

II

ГIайгIа суна бу хьан кхайкхам,
 БIаьсте, бIаьсте! Мур хьо шовкъан!
 Ма латтамбе даг чохь айам,
 БIарздеш цIий сан, са а ховха!
 Ма хьекха, мур керла обьхуш,

Собца ял шен башха йобькуш,
 Мох бIаьстено сан юьхь тIе,
 Аса токхуш юьртахь де!
 Вац-те тамана со тIера,
 Кьерар, денвар ду-те хийра,
 Кхехкачо, кьегачо маьрша
 Бохьу-те саййзам, бала
 Сан деллачу синна, ала,
 Схьагург дерриг хеташ Iаьржа?

III

Я ца тов дендалар вайна
 Гуьйренца деллачу гIанийн,
 Бицбина и эшам лайна,
 Керла гов чу лоцуш хьаннийн;
 Я Iаламца кхехкачуьнца
 Дузу вай, еш ойла гIийла,
 Вайн дIаидда шераш хийла,
 Юха дан йиш йоцурш цкъа-а а?
 Я ойланна еха юхьхьехь,
 Байталлинан гIенан юккьехь
 Цьха ша-а тайпа бIаьсте шира,
 Ийнарг лаам беш вай ира,
 Кхи цьха аре йобьлуш вайна,
 Кхи бутт къона, буйса тайна,..!

IV

ХIара хан: малончаш меха,
 Эпикурхой, хьекьал зуйраш,
 Шу, ирсахой, шайна беха,
 Шу, Левшин ишколан цуйцеш,
 Ва шу, юьртан Приамаш,
 Ва дог кIеда эманаш,
 БIаьстено шу юьрта доьху,
 Мур и бовха белхийн, азнийн,
 Мур шовкъечу кхерстарийн,
 Буйсанийн, дог, Iехош, оьцу.
 Ара, доттагIий, же, чехка,
 ГIудалкхашкахь, еза тиэхка,
 Ковра дай, гIуо паргIат хахкий,
 ГIаьпнех гIаланийн шайн къахкий.

V

Хьо а, ешархо сан тоьлла,
 Лаллий ворда, къагийна,
 Тасий гIуо гов-гIала вольла,
 Iа ахь, кьобруш, кьардина;
 Йолуш накьост муза аьрха,

Г1уо вай хаза нажжийн «Г1ов»
Ц1е йоцчу хин йистехь маърша,
Юърта, сан Евгений, тов,
Холбатхо, гал детта, г1ийла,
Ийначу, хан токхуш, хийла,
Лулахь ехаш Танаь буо,
Сан хьоме сатийсархо,
Х1инца вац ган юъртахь и ...
Кхузахь чов-лар цо йити.

VI

Вай, гуш лаъмнийн ахго дийна,
Г1ур ду метте, хьоста доьлху,
Сетташ, хадош бaсe сийна,
Татол т1е, хьун хьехийн хьобсту.
Цигахь буса, мел ду г1ора,
Зарзар дека, кхуьу хьора,
Ц1ена шабар хьостан хеза,
Цигахь т1улг бу кошан беза,
Баганаша малхах ларбо.
Цу т1ехь йоза къаьсташ го:
«Х1ара ву Владимир Ленский,
Майра велларг къона дукха,
Х1оккху хенахь и д1акхелхи.
Байтхо къона, 1илла мукъа!»

VII

Га т1ехь баганан чу кхозу
Цкъацккъа 1уьйкъенан мохо
Цу г1ийлачу кашца дозу
Техкадора кочар буо.
Цига бертахь т1етт1а хьалха
Ихира ши неша цхьалха,
Ткъа каш т1ехь, бутт лепаш г1ийла,
Билхира уьш марахь хийла.
Х1инца ... х1оллам цхьалха беха
Тесна. Аз ца хеза нехан.
Некъ а байна. Кочар дайна.
Цу клел сира, г1ело лайна,
Хьалха санна, узам бо,
Мача юцуш жа1у го.

VIII. IX. X

Миска Ленский! Хало ловш,
Дукха и ца йилхира.
Нускал къона сиха, тов,
Г1айг1а йита кхира.
Кхечо и т1еерзи шена,
Бала байбеш, боккхуш гена,
Ловца олуш безаман –
Говза болам 1ехаман,

Цуьнан везар улан¹ ву...
И алтарна² хьалха ю,
Корта, бехке йолуш санна,
Тажна клел оьллина ханна,
Болуш б1аьрехь къайлах суй,
Елар а барташца, дуй.

XI

Миска Ленский! Кошан бухахь,
Къуьйлуш даималло дукха,
Вуьйхирий-те нешас иза
Беш тешамбехк шена къиза,
Я Лето наб тесна т1е,
Байтхо 1уьллу доцуш де,
Лаяттан чам 1ожалло баьхьна,
Ков дуьненан шена ч1аьг1на?
Иштта эс вайх довр ду мацца,
К1инжа т1ехь дош аьлла цхьацца.
Дов дерш, уьйр ерш, безарш бовр бу.
Ткъа кхаьрдаш адамаш гур ду –
Вайн т1аьхьенийн луьра гуо
Боьлла бахам къийса вуо.

XII

Кестта Олин зевне аз
Ларинг1аьргахь дижира.
Улан, къуьйлуш даг чохь вас,
Цуьнца полке вирзира.
Шорта б1аьрхиш 1енош къаьхьа,
Йоккха стаг, шен йо1ца къаьста,
Дийна йоцуш санна гуора;
Танаь елха ма ца лора,
Яра 1ожаллин бос эцна
Цуьнан юьхь и г1айг1ане.
Чохь верг ваьлча ара, хецна,
Дерриг сийсаш, хьийзаш каде,
Кегийчеран ворда зуьйш,
Танаь новкъа бехи уьш.

XIII

Еха, дахкарлах чекх санна,
Царна т1аьхьа иза хьийжи...
Ю Татъяна шена цхьанна!
Шира неша яхна йиси,
Тайна, къона кхокхал³ цуьнан,
Хьоме теш ерг деган кхуьнан,
Кхолламо яьккхина гена,
Цуьнца йоцуш ехар шена.
Танаь, 1индаг1 хилла дийна,
Цкъа яьссачу хьожу биэша,
Лоху синтем, дерриг зийна,
Хьаам цхьанхьа ма ца леша,

Иза бIаьрхиш къуйлуш ю,
Ткъа дог эккха герга ду.

XIV

Шен цхьалло вуо хIорам бина,
Цуьнан шовкъ а чIогIа йогу,
Онегин, генара гина,
Даго вуйцуш, кийра огу.
Иза ган ца вогIу цунна,
Ачо йолуш цуьнга, кхунна
Вешин верхо иза ву;
Байтхо вац-кха... амма ду
Иза хьахор мела, шийла,
Цуьнан нускал маре даха.
Эс байтхонан, дина лаха,
Стиглахь бай, кIур санна, гIийла
Ши дог мега цунна каро
Тийжаш... Ю и кIезга таро.

XV

Суйре юйли. Стигал Iаржло.
Хиш дай уьду. ЦIозно цIар до.
Хелхарчийн лар ченан ети;
Хил дехьа, кIур туйсеуш, лети
ЦIе а чIерахойн. Бу гуо
Беттан къагош аре буо,
Тутмакх хилла ойланийн,
Татъянас некъ бежа би.
ДIа, дIа. Эццахь цунна го
Барз тIера цхьа эгал бухахь,
Юрт а, боьлак гергахь, лулахь
Беш, хи сирла хьестало.
Иза хьобжу – ткъа дог маьрша
Чехка дуйлу, ловзу аьрха.

XVI

И шеконе, йобхна, хьевза:
«ГIуо со хьалха, гIуо со юха?..
И вац кузахь. Со ца евза...
ЦIене, беше хьожур ю-кха».
И барз тIера охьяюссу,
ТIаккха соцу; гондIа кхуссу
БIаьрг, цакхуьург хьолах шен,
Эххар къаьста буо уьйтIе.
ЖIаьлеш догIу летарца,
Кхераме аз цуьнан хезна,
Бераш догIу, дог а лезна,
Йоккхуш гIовгIа. Девнаца
ЖIаьлеш кIенташа дIалохку,
Сту-йол кIелхьара вайн йоккху.

XVII

«Хьоладен цIа тарлой довза?» –
Танаьс хьагтти. Седна ловза,
Анисийна бераш агта
Доьлху, цуьнга догIа хатта.
Анисья, же, кхочу, ала,
НеI цо йоьллу, боцуш бала.
Танаь йолу цIа чу, яхьна,
ХIинццалц схьа вайн турпал ваьхна.
Хьобжу и: оти чохь меха
Бильярд тIехь кий Iуьллу еха,
Ткъа диван тIехь ма ю сехьа
Юткъа шед. Ткъа Танаь дехьа;
Бабас цуьнга: «И кхерч бу-кха,
Эла⁴ хьалха Iийна дукха.

XVIII

Кхузахь делкъе йора Iай,
Хьо марша, Ленскийца цо.
Суна тIаьхьа йола яй.
ДIо кабинет – цуьнан буо,
И вижнарг, цо мелларг къахьо,
ГIоьнчегла ладийг Iинарг,
Жарга Iуьйккъехь йийшинарг...
Кхузахь эла да а, хьахо,
Ваьхна; хийла кIирандийнахь,
Кора кIел, куьзганаш доьхна,
Цо тIуз туйхи чIогIа соьца.
Дала цунна ва гечдойла,
Чархана а синтем лойла
Кошахь, нана-лаьттан кийрахь!»

XIX

Татъяна хьажарца мерза
ГондIа шена хьобжуш Iа,
Дерриг хета цунна перза,
Тедеш цуьнан зовре са,
Цхьа ахкъиза там барца:
И стол, тIехь берг стогар, лулахь
Туп жаргийн а, кора бухахь
Маьнга, куз тIетесна хазба,
Корах – беттан синах гойла –
Ахсерлонан беса Iойла,
Сурт а Байронан и кхозу,
Очакх, тайниг чуьнан кхобу,
ТIехь ишлаьпа, хьажар дера,
Куйгаш, жалар йина, кьера.

XX

Татъяна, зуйш моде ца,
Цхъа кхаъ хилча санна, лавтти.
Амма тлаъхъа. Мох ма главтти.
Тогли лаържа. Варш ма ла,
Наб еш хи тлехъ, докхан долахъ;
Бутт дӀалечкъи хъалахъ ломахъ,
Хан гездархо къона вайн
Цлехъа яха еза, хӀай.
Танаъ, чуъра хбал шен къубйллуш,
Ткъа садакхарш шен ца дубтуш,
Цлехъа некъ шен эцна йобду.
Амма хъалххе бакъо йобху,
Давсса эгал ган ян цкъацкъа,
Жаргаш еша цу чохъ цхъацца.

XXI

Татъяна, догланхо кевна
Дехъа къаъсти. И, де даълча,
Еа, яържаш зӀаърнарш маълхан,
Буха ша-а битинчу тхевнан.
Толлуш кабинет, ша-а еха,
Дицдина массо а хӀума,
Мацца иза йиси шена,
Цкъа и йилхи вуно дукха.
ТӀаккха юбйли жаргаш кего,
Юьххехъ хилларш кхунна гена.
Церан гулам бара кхето
Хала. Татъянас уьш йобшу еха
Мецачу шен синца, хуна;
Кхаъ дубне схъаделло цунна.

XXII

И Евгений, хууш вайна,
Ешарна вацара тӀера,
Амма кхолларш цхъаерш тайна
Ма яцара цунна хийра:
Гаур, Жуан вазвинчуьнан,
Ткъа ши-кхо а роман цуьнца,
Вайн зама йийцина нийса,
Ткъа адам а хӀинцалера
Диллина, йиш йоцуш къийса,
Са дерг шен, берг кхетам мукъа,
Шех Ӏехалург, чохъ дерг дера,
Сатийсаман лай дерг дукха,
Ткъа дерг хъекъал оьглазе,
Кхехкарг, гӀуллакх доцуш шен.

XXIII

АгӀонаша лардеш гуора
Сизнаш, цо маӀаршца даьхна;

ЙоӀан бӀаьргаш сема йуора
Церан терго, туьдуш маӀна.
Татъянина, кӀамлуш кхетам,
Го, хӀу ойла, муьлха лехам
Онегинна хилла беца,
Стенна иза хилла реца.
Аренашца цхъаццанхъа -
Хьобкх ю къоламца йина,
Иштта са Онегинан
Хаалора массанхъа
Цхъана дашца, я жаӀарца,
Я чолхечу хаттарца.

XXIV

Ткъа жим-жима, беш цхъа къастам,
Сан Татъяна хӀутту, хуна,
Вовза нийса – далла хастам –
И хьенех, чов йинарг цунна.
ХӀу стаг ву и везнарг лан:
Я и пелхьо луъра ша-а,
Ирсе ца Ӏан дина тоба,
Я малик, я йилбаз къыза?
Мила? Кеп бе яц-те иза?
Я ду гӀаларт, я тлехъ оба
ХӀаролдан москахо ву,
Я бу хӀилланийн и хуулам,
Я бу модехъ дешнийн гулам?..
Я пароди еккъа ю?

XXV

Ткъа къайленах иза кхии?
Ткъа дош оьшу цунна хии?
Сахьташ уьду; ю чохъ нехан,
Иза, цӀахъ лариййриг еха,
Ши лулахо цигахъ Ӏа,
Кхунах къамел йоблла дан.
- ХӀу де? Бер дац и Татъяна, -
Йоккха стаг къамеле йолу. -
Ткъа и Ольга жима цул а.
ЦӀен тлехъ хила йоӀ ма йогӀу.
Хан ю; муха дийца аса?
Массаьрца – цхъа цуьнан хъа-са:
Ша-а ца йогӀу. Ю и чӀогӀа эшна,
Хьаннех юбйлу, ша-а шех тешна.

XXVI

«Безам бахна-м яц-те?» - Хьаьнга?
Буяновга лерг ца уьйхьи.
Петушков Иваныхъа кхаьхки.
Гусар Пихтин вежа хьийзи;
Танин васт цо чӀогӀа кхели,

Туйтеш хьалха цунна тийси,
Суна мьоттуш: яхна ели;
Мича! И г1уллакх а дуйхи. –
«Ткъа базара нускалийн –
Москоха йигийта и!
Цигахь харжам ма бу шорта!»
- Хьал дац. Оьшу бетта корта. –
«Цхьана Iанна аса дай
Хьобга ахча лур ду сайн».

XXVII

Йоккха стаг х1обттира къажа,
Тайна хьехам зовкхе, нийса;
И ю дагахь, эрна къийса,
Iай Москохан хьал зе хьажа.
Цу хаамо Танаь огу .
Кура гуо лан безар бу-кха,
Цунна гойтуш денна дукха
Васташ юьртан дахаран,
Духарш, хенаца ца дог1у,
Шира кепаш хабаран,
Москохан ч1ич1бикаш кхаьрдаш ,
Г1едобг1на беламе б1аьргаш!..
Сан, Дела! Цул г1оле ма ду
Гездаш лиэла хьаннаш мел ю.

XXVIII

Иуйкъенан з1аьнарш барт баьхна
И аренаш толлуш аьхна,
Балхош, ботуш безам гона,
Доггахь далхош шен са къона:
Къинт1ера – тог1енаш тайна,
Ва лаьмнийн шун баххьаш, Iаннаш,
Ткъа хьо шу а, евза хьаннаш;
Ткъа хьо, стигланан ва хазна,
Ткъа, Iалам, хьо декхнарг зазца;
Ас шу дуйту, тесна, шайна,
Г1ар ловш, ирча сеттар дан...
Къинт1ера – хьо, маршо сан!
Цхьанххьа суна яха лаац.
Кхолламо х1у хьобху хаац.

XXIX

Цуьнан кхерстар деха нисло.
Х1инца барз а, шовда сихло
Сацая шайн лаамца
Татъяна куц гайтарца.
И, хедаш ша-а уйрех санна,
Шен боьлакаш, басеш ханна
Гуттар хьобстуш, Iехо юлу.
Амма маса аькхе кхулу.

Iалам дийна, бос а баьхьна,
Хьоло къуьйлуш, болар доьхкуш,
Лаьгта, хийцам шена хьаьхна...
Ткъа невре, к1ай мархаш льохкуш;
Ц1ийзаш, ловзуш аьрха цхьа,
Дог1уш, дог1у говза Iа.

XXX

Деа, даьржи; и патташца
Кхозуш го гаьннашца нежнийн;
Дижид кузанца тулг1енийн
И аренийн, баьрзнийн кхашца;
Цо бердаш цу хинан сецна
Шарди, дайди, до т1е тесна;
Лепа г1ура. Доьлу вайна
Нана-Iаьнан кхийсарш тайна.
Ткъа дог Танин доьхна ду.
И ца х1утту уьйт1ахь ловза,
Г1уранан чан оза чу,
Ткъа луо хьокхуш керла, ховха,
Юьхь а, белаш йоьлла йила,
И Iаьн новкъахь кхоьру тила.

XXXI

Новкъа довлу де т1ехдели,
Д1аели зил тоьхна хан.
Хьаьжна, ч1аг1ий, т1ера кхели
И такхорг⁵, йиллинарг чан.
Ковра дина, ю кхо ворда
Кийча бахьа ц1ийнан мохь:
Т1орказаш а, г1анташ, яйнаш,
Тушпанаш а, гоьнаш шорта,
Назбарш, борг1алш к1ари чохь,
Кхийраш, тесаш... etcetera, -
Уьш эшарна ду вай къера.
Эццахь меттах хьов а лайнаш,
Г1овг1а оьккху, къаьста тийжарш:
Ара Iаспарш, хала хьийзарш.

XXXII

Такхоргца уьш йожа х1утту,
Иуйре кечьеш пхьордархой,
Борзах кибиталгаш⁶ ютту,
Зударий а, кучерш – девне.
Iаспар, г1ийла, кхес ерг еха, –
Т1ехь форейтхо⁷ Iаш маж еха,
Чуьрнаш д1а ма хьаьлхи кевне,
Хьоладайшца къаста. Ткъа, г1ой
Гездархошца, такхорг, х1ай,
Шершаш, йолу кевнах яй.
«Маьрша Iойланаш, къинт1ера!

Къинтера , сан маълиг хийра!
Вай гур дуй-те?».. Ткъа б1аърхиш
Танаъс ледо, йоьхна йиш.

XXXIII

Ткъа йолечу кхиарна
Вай зил тоьхча къастамца,
Хан луш оцу хиларна
Философин жам1аца,
Д1а пхи б1е шо – некъаш, тов,
Вайн тадала мега сов:
Шоссе, буьгуш кхуза, цига,
Россе цхъаъ еш, буьллур дика.
Т1айнаш чуьнан, аххоз бина,
Атта туьллур массо хинан,
Лаьмнаш доькъуш, къардеш т1айра,
Юг1ур к1ел нартолаш майра,
Ткъа социьлаш мел ю дукха
Йохкур ю юийлаш⁸ мукъа.

XXXIV

Х1инца ду вайн некъаш доьхна,
Т1айнаш, тесна, дахкало,
Социьлаш – къийзоргаш, сагалш –
Наб ца йойту вуо ц1ий маларш;
Тойнеш яц. Ткъа чоь ю шийла,
Ездарин пенах д1атоьхна
Раг1-кехато, 1аткъам бо,
Апетит 1ехаеш хийла;
Амма наьрташ юьртан ду
Ц1арна хьалха г1ийлачу
Таеш ж1евнаца Россенан
И яй йинар Европенан,
Хестадаш даймехкан латта,
Цуьнан оьрнаш, йисташ, хатт а.

XXXV

Ткъа 1а ницкъехъ долчу ханна,
Цхьанхъа вахар тамехъ ду.
Хаза байт йиш юккъехъ санна,
1аьнан г1ойлаш⁹ шера ю.
Автомедонаш¹⁰ - вайн аьрха,
Кхоалгаш¹¹ шайн лоллуш маьрша,
Чаккхармаш, дукъ ц1елуш меран,
Т1аьхъа юьгу, кертех тера.
Ткъа Ларина текхаш ю-кха,
Хала г1ойла – кхоьруш иза,
Шен говрашкахъ йог1у къыза,
Ткъа вайн йо1а вуно дукха
Некъан г1айг1а еха йии:
Ворх1 де-буьйса уьш д1аихи.

XXXVI

Х1инца – герга. Царна гира
К1айчу т1улгийн Москванан,
Алу санна, жаларш ана
Кхийдош, догу кортош шира.
Вежарий! Ас ирс ма зийна,
Цу килсийн, гарголнийн¹², ткъа,
Бошмийн, г1ишлойн ахго дийна
Суна гучубаьлча цкъа!
Хийла, хьоьца йоцуш 1ойла,
Кхолламо ца хоьцуш сьха,
Москва, хьан ма йина ойла!
Москва... аз ду башха цхъа,
Оьрсинан дог оьцург дукха!
Цуьнца марзо шорта ю-кха!

XXXVII

Д1огахъ гонехъ нежнийн ю
И Поьтаран г1ап. Вуо ду
Цуьнан эс цу хьолах хилла.
Наполеон хийжира сов,
Б1арлаг1ах-ирсанах тешна,
Москва яре горахъ, эшна,
Кремлан дог1а дохьуш, тов:
Ца яхара Москва сан,
Корта бетташ, и вазва.
Ц1ай хир доцуш, совг1ат цхъа-а,
Ц1е и кечлуш яра йилла
Сихачу цу турпална.
Кхузахъ, ойлане ша ваьлла,
Ц1е цо зийра марсаьлла.

XXXVIII

Д1але, хьо ирс оьшуш гина,
Г1ап Поьтаран. Х1ей! Ма латта,
Лалла! Ч1аг1о, г1уркхех йина,
К1айло: урам Тверан хьайна,
Тиэхка такхорг хала-атта
Уьду баннаш, зударий а,
К1ентий, баккхалш, серлолойлаш¹³,
Эгалш, бошмаш, мозг1ар1ойлаш¹⁴,
Бухархой, салазаш, кхаш,
Ц1енош, муьжгий, совдегарш,
Яккъаш, б1аьвнаш,
г1азкхийн туьшпаш,
Аптекаш, моданан туькнаш,
Баролаш, льомашца кевнаш,
Човкарш т1ехъ жаларш а, тхевнан.

XXXIX. XL

Цу гездаран луьраллехь
 Даьлча сахьт а, кхи а цхьаь,
 Харитонъян чуьччаллехь
 Такхорг кевнехь, аьлла закь,
 Соцу. Деца йолчу шира,
 Довалгла шо меттахь ла,
 Уьш ма кхечи хинца схьа.
 Царна не л дайоблуш лаьтта
 Куьзганаш, тлехь каптан – яьт ла,
 Пазат карахь – галмкхо сира,
 Цара ког оти чу боккху,
 Сту-эламо мохь ма хьокху,
 Ши баба мара ма хьаьрча,
 Церан кхайкхарш хлусмехь даьржа.

XLI

– Йол, monange! –
 «Pachette!»¹⁵ – Алина! –
 «Ма цлаьххьана. Маца гина?
 Ткъа мел ханна? Шича хьоме!
 Хьан яр суна – кхаь бу чоме!
 Цена исцен ша-а романан...»
 – Хлара йол ю сан Тагьяна. –
 «Танаь! Улле хила хьо –
 Гленах луьйш ма хета со...
 Шича, дагавоглий хлара
 Грандисон?» – Грандисонний!
 Дера, вогу. Стенгахь – и? –
 «Москвахь Симеонца ву;
 Ши цлай хьалха кхузахь вара,
 Кестта клант цо ваьккхи чу.

XLII

Ткъа и... цунах тлаьхьа дийца
 Доглу. Гергарчарна вай
 Танаь кханнехь гойтур ю.
 Глора дац сан лиэла, хлай;
 Хала – суна глулчаш тийса.
 Ткъа кладделла... хир ду шу;
 Доло глур ду вай сада ла...
 Дегл ду доьхна... лозу накха...
 Хинца ницкъ бац кхаь лан сан,
 Глайгла хьовха... хьоме са,
 Сох са-а клезга хир ю шуна...
 Кьаналла ю боьха хлума...»
 Эццахь гуттар эшна йиси,
 Блаьрхишлахь йовхаршка йирзи.

XLIII

Цомгашчуьнан терго, хьуна,
 Танина ма товра; цунна
 Керла меттиг яра хийра,
 Шен цленна хиларна тлера.
 Шаршу клелахь даринан
 Наб ца я-я-ро кьарийна,
 Гуьйкьенан горгалис атта,
 Болх бан адам кхойкхуш глатта,
 Иза а массаьрца йобху.
 Танаь корох еха хьобжу.
 Бода зарзло; иза ла,
 Аренаш ца кьаьсташ шен;
 Хьалха ю-кха кхаь-уьйтле,
 Божал, керг а, юу цла.

XLIV

Цу гергарчу нахе денна
 Делкъе ян и Танаь кхуьйлу,
 Гайта кьаношна – Ткъа стенна? –
 Мало, лаамза цо муьйлу.
 Уьш, генара хьеший беза,
 Массанхьа тлелоцу хаза,
 Бепиг-туьха, ловца хеза:
 «Танаь йоккхихилла! Аса
 Хинца дац-кха керстьяр кхуьнан?
 Ткъа и карахь ловзош гуш!
 Ткъа и лергаш ийзош цуьнан!
 Ткъа ас цунна пираьнг луш!»
 Ткъа бабанаш кхойкху, хлай:
 «Сиха уьду шераш вайн!»

XLV

Амма уьш бу гларбаш хенийн;
 Цхьа хьал цара лардеш ду:
 Децин сту-йолан Еленин
 Изза коьрта туьллург ю;
 Клайлуш ла – Лукерья Лвовна,
 Цледеш ла – Луьбов Петровна,
 Поьтран Иван ловдал – изза,
 Поьтран Семоьн – писалг кьиза,
 Пелагеян Николавинин
 Изза мосье Финмуш – доттаг л,
 Изза шпиц а, майра-мостаг л,
 Верг кулубан накьост ийна,
 Иштта – кьора, иштта – тийна,
 Юург, мерг бе ца гург кхи.

XLVI

Танаь йо1рийн марахь еха.
 Кьона куцхой и Москохан
 Юьххьехь тийна хьобжу беха,
 Боблла Танега б1аьрг тоха;
 И тамаше лору цкъа,
 Юьртан кепехь сеттарг цкъа,
 Жимма беса, гийла, хийра,
 Амма яц-кха вуо и т1ера;
 Таккха 1аламца шайн буйлу
 Ян и неша, кхайкха шайга,
 Барташ боху, куьйгаш кьуйлу,
 Модех нисйо месаш тайна,
 Ткъа кьайленаш юьйцу шорта,
 Шайш д1алаца безарш корта,

XLVII

Шайн а, нехан леларш мацца,
 Тешарш, забарш, хьежарш цъацца.
 Уьду бехказе къамелаш,
 Басар тоьхна тадеш кьерарш.
 Т1аккха доьхьал дийцинчунна
 Шен дог дийца раг1 ло цунна,
 Доьхуш ч1ог1а эсала.
 Амма Танаь, хилча кьера,
 Гена ю хабаршна церан:
 Кхетац, ларац мехала.
 Йийцац, тоьхна дагна дог1а,
 Б1аьрхийн, ирсан хазна ч1ог1а,
 Кхобург еха тийна шеца,
 Цъа ца лууш цу чу хеца.

XLVIII

Татъянина хаза лаба
 Церан къамел, хьа-са, тов;
 Амма цара цкъа-а ца хьаба
 Бутту раг1а, боблларг к1ов;
 Дерриг церан – беса, хийра,
 Уьш луьй, боцуш лерна т1ера;
 Стом хир боцу далхош дезарш,
 Хеттарш, лераш, кхаьбнаш-лехарш,
 Летар яц-кха ойла маьрша,
 Схьагуш эшна, схьагуш аьрха;
 Доьлур дац-кха зовкхе хьекьал,
 Лозур дац-кха дог а вуо,
 Ювдалла а, хиллал декьал,
 Яц-кха хьобца, кура гуо.

XLIX

Матар тесна к1ентий шорта
 Танега ма хьобжу лекха,

Цунах лаьчна, сеттош корта,
 Шайлахь деш къамелаш декъа.
 Ткъа жуг1арг г1айг1ане цкъа,
 Лоруш башха совг1ат и,
 Не1аршна к1ел сецна 1а,
 Цунна кечьеш элеги.
 Танаь гуш, дог доцуш лиэ,
 Ваьземский и вуьйли зиэ, -
 Цуьнан са цо 1ехий деха.
 Ткъа и гергахь шена яйна,
 Цунах, нисьеш кур-х1арс тайна,
 Хаттарш деш цкъа къано веха.

L

Ткъа и шовкъе Мелпомена
 Йоблллачохь мохь бетта теккха,
 Лестош манти, еза шена,
 Хьалхьа шийлачу цу гона,
 Ткъа Талия, тарна т1ера,
 Муьргашна доттаг1ийн – хийра,
 Терпсихорина цкъа веккъа
 Цецуьйлуш хьежархо кьона
 (Даима ма хилла иштта
 Схьакхаччалц кху хенан бистта...),
 Цунна т1е ца ерзира
 Дамаш г1ийрате хьожийлаш,
 Турмалца ца хьевсира
 Хаархой а, зуьйш хоййлаш.

LI

И ма кхуйлу Гуламе.
 Цигахь гатте, тем бац, тов,
 Чиркхаш, г1овг1а мукъаме,
 Хьелхарш, х1оттар бохьна сов,
 Ва хазанчийн духарш дай,
 И адамийн кьорза вай,
 Ва нускалийн боккха гуо –
 Дегнаш лобцу башха дуо.
 Кхузахь франташа ма гойту
 Шайн сонталла, шайн жилет а,
 Ткъа лорнет а, болх ца бойту.
 И гусараш, эскарх хьабда,
 Кхочу цига бека, хьабда, -
 Лепа, 1ехо, ткъа д1атила.

LII

Буйсанан седарчий – хаза,
 Москох – курс хазанчийн занан.
 Ткъа нешанел стиглан т1ехь
 Къега бутт сийналлех чекх.
 Ткъа и, со ца х1уттург хьяя,

Сан лирин ницкъ боцург тая,
И, бутт санна, хилла кхаъ,
Эманашлахъ лепа цхъаъ.
Дозаллица, ала, 1аършан
Лавттах и ма кхета маърша!
Накха ховха охъуш бу!
Хъажар деза башха ду!...
Тоур – кхи ма бийца пал:
Ахь тергенна текхна ял.

LIII

Г1овг1а, беларш, идарш дукха,
Чабол, хелхарш... Ткъа цу юкъа,
Ши децина когаш юххъехъ,
Терго ца еш царна юккъехъ,
Татъяна, гург ца гуш, хьобжу,
Гонан шовкъ цо т1е ца оьцу;
И са эшна... хьалха цунна
Ду аренийн дахар, хьуна,
Юъртан бахархой и г1ийла,
Тийна маб1иг, хийрехъ еха,
Сирла хьоста, 1ена деха,
Ткъа шен зезагаш, йошьйлаш,
Ткъа и бода хьехийн шийла,
Хьенех вайна и лоблийлаш.

LIV

Иштта ойланца и – гена:
Бицби го а, г1ов ца хеза,
Ткъа т1ебоьг1на б1аьргаш хьена,
И йоьшуш – инарла веза.
Ткъа ши деца, 1ийраш юххе,
Танаъ тоттуш, еа улле,
Цхьатерра шабар ма ди-кха:
- Же, хьо хъажа аърро сиха. –
«Аърро? Мича? Стенна ала?»
- Хаттарш дитий, хъажий яла...
Д1о тобана хьалха ву-кха,
Гергахъ шиъ мундираш йобхна...
Дехъа вели, аг1о тоьхна... -
«Мила? И инарла буг1а?»

LV

Ткъа толамца е вай декбал
И Татъяна хьоме сан,
Кхечу аг1ор дацош хьекбал,
Хьовсий турпал ца вицва...
Со и хасто лаърра минех:
Аса вазво къона хьенех,
Ткъа раз леларш цуьнан дукха.
Бекбалбе ахь сан болх беа,

Х1ай, эпосан муза меха!
Собга елла тоьлла 1аса,
Ма лиэлийта эрна д1а-а-са.
Тоур. Йовла, белшаш, мукъа!
Классикалг1ин дог ас хьаьсти:
Т1ехъ делахъ а, юххьийг яьсти.

Борх1алг1акорта

*Fare thee well,
and if for ever still for ever
fare thee well.*

Byron¹⁶

I

ТкъабошмашкахъцуЛицеян
Доккхуш парг1ат ас заз сайн,
Йоьшуш жарга Апулеян,
Цицерон ца воьшуш, х1ай!
Ткъа басешца, къайлехъ еха
Г1ург1езаш мохъ бетташ б1аьста,
Хишна юххехъ, лепаш къаьста,
Суна муза евзи меха.
Сан студентийн келья латош,
Тайна муза гучуели,
Тхьамда хилла, той тхан хастош,
Берийн денойх йиш цо эли,
Вай ширалла еза йийци,
Ткъа муьрг-г1енаш деган ийци.

II

Гоно, къежаш, и ма хазйи,
Кхиамо т1ам бели тхуна;
Державинна тхо ги, хьуна,
Коша воьрзуш, цо тхо дазди.

III

Аса аг1о сайн а лобруш
Шовкъийн кегаре и маърша,
Синхаамаш гонца боькъуш,
Сайца муза лаьстий аьрха
Тойнийн г1овне, къийсаршка,

Хийла буйса уьш деш йии;
 Тергечу цу хийшаршка
 Цо шен совгаташ ма кхийли,
 И вакханалг санна иди,
 Кеда тлехь цо эшарш лийкхи,
 Ткъа кегийнарш хьалхалера
 И езарна бара къера,
 Аса доттаг лашлахь сайн
 Цунах ди дозалла дай.

IV

Ткъа уьйр хадий аса цаьрца,
 Ведда... Ткъа и ларах аьрха.
 Хийла хан цо соьца йийкъи,
 Шен дийцарца-кхаьца, ала,
 Тапп-некъ табеш, суна йийки!
 Ковказан лаьмнашца хьала,
 Леонорех тера юххехь,
 Цо дин хаькки чхаррийн юккъехь!
 Хийла бердашца Тавридин
 Цо со буса шеца хаза
 Виги хлордан гловгла хаза,
 Ца хеда лер Нереидин,
 Хин чалхаша зевне дийриг –
 ХIимн¹⁷ дуьненийн да вазвийриг.

V

Ткъа дицдеш шахьарин дукха
 Лепарш, тойнаш, гловгла йоблла,
 Мискачу Молдавехь мукъа
 Цо телли и четарш гийла,
 Чохь тукхамаш кхерста хийла,
 Акхаели иштта, тешна,
 Бицби делийн мотт и тоьлла
 Далхо метганаш, буо, эшна,
 Лакха эшарш аренийн...
 Дерриг кийги, рожак тилла,
 ХIинца и сан бешахь тий,
 Лулара баришна¹⁸ хилла,
 ГIайгла-ойла бIаьрехь – цуьнан,
 Францойн жарга ма ю куьйгахь.

VI

Хьаша юкьбараллин шуьнан
 Добхьара ю муза сан;
 Аренийн хазалла цуьнан
 Гуш, со гийрате ма ла.
 Хадош готта могола элийн,
 ТIеман франтийн, дипломатийн,
 Эманийн а, иза йобду;
 Лахло тийна, дIа-схьа хьобжу,

Тайна гатте хьере, мукъа,
 Идар кучийн, ткъа къамелийн,
 Меллаша гулбалар хьешийн,
 ХIусамнана юллуш юкъа,
 Гуш божарша духаршца
 Гура, лаьцнарг зударшна.

VII

Цунна тов и низам нийса
 Холадайнийн дийцарийн,
 Ткъа шело кураллин, тийна,
 Даржийн, шерийн кегари.
 ДIо тобанца гург ву мила,
 Дохко ваьхьна, дош ца туьду?
 И ца гIерта герга хила.
 Цунна хьалха яхьаш уьду,
 ГIаларташ, го саннарш денна.
 «Со» ду я дозалла эшна
 Цуьнан юьхьца? Кхузахь стенна?
 Къайле. Ву Евгений, тешна?
 Вуй-те и?.. Ткъа ву билгал и.
 - Маца кхуза иза кхечи?

VIII

И верг ву-те я ву кхи?
 Я шен Iовдал хоьккуш ву?
 Ала: стенца хIобгти и?
 Вайна гайта цуьнан хIу?
 ХIинца мила и? Мелмот,
 Космополит, патриот,
 Гаролд, квакер, шалха да,
 Я кхи мIаьжиг йоьхнарг ша-а?
 Я тов стаг и, хаа хьанна?
 Шу а, со а, массо санна.
 Сан хьехам цу тайпа бу:
 Мода-тIелхиг йита ю.
 Тоьал шех цо бира бала...
 - Вевзий иза? – Хала ала.

IX

- Ткъа цу тайпа цунах стенна
 Аша до и къамел шийла?
 Цунна бехке бу болх гийла,
 Цхьаь валхош, вай бийриг денна,
 Цатар аьхна синош кхийла
 Доьлча вайга некъ цхьа маьрша,
 Лоруш иза кхоссар аьрха,
 Хьекьал доьлча корта къийла,
 Ткъа вай дукха хабарш нехан
 Ларарна цхьа белхаш меха,
 Цахаар цахилар хийра,

Нах тlуьлагна хилар тlера,
Гомха дерг хетарна вайна
Массарна цхъатерра тайна.

X

Ирсе кьона – хилларг кьона,
Ирсе ву шен хенна кхиьнарг,
Шело дахаран цу гонан
Шен шерашца ловш ша-а йиьнарг;
Ирча гленаш дитнарг маьрша,
Мисканашца лаьмнарг хьаьрча,
Ткьа ша-а хилларг франт, катуха,
Ткьеитт кхиьнарг хила майра;
Шовзткьеитт, девзина хайра,
Декхарех шен ваьлларг мукьа,
Ткьа сийлалла, дарж, нахарт
Рогlехь эцнарг, аьлла «Гlарт»,
Иза валхий вайна веха:
Ц. Ц. ву-кха хьенех меха.

XI

Ца тов баха, эрна вайна
Цкьа жималла елла хилла,
Ткьа вай lехош и ма яйна,
Ткьа цо деш а вайна хlилла;
Стенгахь бу лаамаш тоьлла,
Ткьа хьежамаш керла вайн?
Зарзбели-кха, шерех боьлла,
И гlаш санна, гурахь, lай.
Хьовзам ган и хьалха сизтта
Делкьенийн моголанаш тlеттlа,
Дахарх дар цхьа ламаст-бала,
Ткьа сурт кхобу тоба йоьдуш
Тlаьхьа ваха, цуьнца йоькьуш
Цунах йоцу оила, шовкь а.

XII

Амма байракх хилла ваха,
Хьал лан хала (тов и хьанна?)
Денна кхетам болчу наха
Вийцар ша-а цхьа тентиг санна,
Я амалхо вина гlийла,
Я жинашна тайнарг тlе,
Я сан йилбаз аьлла шийла.
Онегин(и некьийн цlе),
Ка шен яьлла доттагl вен,
Iалашо, кьа доцуш, вехи,
Ткье ялх шо тlекхачалц шен,
Хан токхуш, цо гlулчаш ехи,
Доцуш дарж а, болх а, эма,
Дийриг хилла кьайле гlеман.

XIII

Садааро хьовзий иза,
Цунна лии вала цlера
(Бу и агlо вуно кьиза,
Маьрша жалар цхьаболчеран).
Цо ма теси юрт шен дlа,
Хьаннийн, кхашнийн маьlиг тийна,
Шена цlийлахь lиндагl схьа
Доьхьал хlуьттург денна дийна,
И ма вуьйли гездарш дан,
Синхааман хьаша веккьа;
Ткьа уьш, дерриг санна, цкьа
Кlордий цунна, шовкь а леккьа;
И цlавирзи, марам¹⁹ кхоьсси,
Чацкийх тера, тойне воьсси.

XIV

Амма тоба метгахйолу,
Чохь цхьа шабар даьржаш хеза...
Хlусамнанна цхьаь тlейогlу,
Ткьа инарла тlаьхьа веза.
Яц и сиха гlулчаш тийса,
Шийла ша-а, я хьогах дийца,
Хьажар долуш, эхь-бехк дайна,
Я ловцанаш эшна тайна,
Кьежарш доькьуш чохьболчарна,
Ша-а цхьаь гайта гlерташ царна...
Дерриг дара оьзда дина,
Сурт и дара, хьоькх ца гина
Du comme il faut²⁰... (Шишков, гечде:
Далац гоч, и дан ахь гlо де.)

XV

Цунна улле – дамаш тlеттlа;
Ткьа гужамаш белало;
Ткьа божарша корта бетта,
Лоьцуш бlаьрса, ледало;
Йoларий тlех буьйлу тийна
Хьалхахула, ткьа цхьа лекха
Массарел мар, белшаш хьийна
И инарла лаьтта веккьа.
Эр ма дацар цхьаммо и ю
Исбаьхьа, ткьа коьртах чу
Карор дацар цуьнца и,
Хьолан дас цу модано,
Теш беш Лондонан шен гуо,
Эриг vulgar²¹. (Дац сан кхи...)

XVI

Чlогlа дизза и дош суна,
Ткьа и гочда ницкь бац сан;

Керла вайна – и цкъачунна,
 Доцуш хилац иза д1а.
 И хьакъ – эпиграмехъ яй...
 Ткъа сан къамел дамах вайн.
 Тайналлинан хьоме нана,
 И ма 1ара тийна солца
 Нур Ниница Воронскойца –
 Клеопатрица Неванан;
 Шуна гур ма дара, тешна,
 Нинин мрамар-хазаллина
 Гергахъ и ца хиларх эшна,
 Хьалхарниг сурт хиларх дийна.

XVII

«Мила? – ойлане Евгений: -
 Юй-те и? Билгал... Х1а-х1а...Х1у!
 Муха! цу к1оргера яртийн...»
 Ткъа лорнет, цахуург саца,
 Цунна йиллина т1еюг1у,
 Шена шечу гойлаца
 Денбийриг цкъа хьобкхнийн уьйриг.
 «Алахъ, г1иназ, мила и,
 Д1о ал берет т1е а йобхна,
 Испанийн посолца лубийриг?»
 Г1иназас Онегин зий.
 – О! хьо гонна 1а букъ тоьхна.
 Собар, ас хьо гойтур цунна. –
 «Ткъа и мила?» – Сан сте, хьуна. –

XVIII

Ткъа хьо майра? Кхаъ и бу!
 Мел хан?» - Ши шо – тахна-кхана. –
 «Мила?» – Ларина. – «Татъяна!»
 – Евзий и? – «Лулахо ю.»
 – Ткъа волохъа. – Г1иназ улле –
 Шен эмана, волуш юхъа
 Гергарниг а, доттаг1 шен.
 Сту-эла и х1утту зен...
 Ткъа мел хиларх са шен даьхъна,
 Ткъа мел хиларх чубра йогуш,
 Цецъяьккхина, тем а баьхъна,
 Юьхъ цо кхеби хийцам боцуш:
 Цуьнан аз а парг1ат дукха,
 Цуьнан б1аьбца яй ма ю-кха.

XIX

Х1а-х1а, цуьрриг и ца юьйхи
 Я бос бовш, ца ели ц1из...
 Б1аьрганег1ар цо ца туьйхи;
 Балдаш а ца хабий шен.
 Ткъа мел хьежарх еша иза
 Хьалхалерачу Татъянин

Онегинна лар ца карий.
 Къамел дан и лууш ву, ткъа
 Далац. Цо ма хабтти, х1ара
 Маца кхуза, ткъа стенгара,
 Вуй-те х1ара ц1ера шайн?
 Т1аккха майране ди дай
 Эшна хьажар; шершаш, т1оф ди,
 Лацавелла иза вिति.

XX

Ю-те иза и Татъяна,
 Цкъа кхуо, шайшшиъ долуш шайна,
 Юьххьехъ х1окху вайн романан,
 1аш и тийна маб1иг тайна,
 Кхо, да хилла хьехамийн,
 Йинарг тутмакх кхетамийн,
 И, кхуо кхобург кехат шега,
 Дог т1ехъ дуьйцург цунна ша-а,
 Дерриг къаьсташ, дерриг мукъа,
 И йо1 ю и... я г1ан ду-кха?
 Йо1, кхуо йитнарг цкъа шех хьега,
 Йо1, кхуо йитнарг ов цкъа-а лан,
 Цуьнца х1инцца хили-кха,
 Оццул хийра, майра цкъа.

XXI

Раут юьту готта цо,
 Ц1ехъа ойлане и воьду;
 Сатийсамо дика, вуо
 Цунна карзахе г1ан хьобху.
 И самвели; цунна дохьу
 Кехат: N г1иназа кхойкху
 Иза сарахъ. «Дела! цаьрга!..
 Хир ву, хир ву!» т1аккха аьрха
 Жоп и карво оьзда луш.
 И х1у хилла? Х1у г1ан гуш!
 Шело, мало евзачу
 Синан к1оргехъ керчи х1у?
 Хьаг1? Б1арзвалар я ша-а безам,
 Берг къоналлин коьрта лехам?

XXII

Онегин сахът х1утту лара,
 Езарг – дийнан чаккхе ю.
 Ткъа итт долу; иза ара,
 Ткъа д1атуьбу, уьйт1ахъ ву,
 Вегош сту-элина хьоду;
 Татъяна чохъ ма ю ша-а,
 Ткъа масийтта минот йоду
 Уьш 1аш цкъаьна. Доцуш цкъа-а
 Ву Онегин дош. Кхоблина,
 Воьхна, ло, аз х1обттина,

Цунна жоп шен. Кортехъ цуьнан
Еха б1оста оила цхъа,
Ткъа хьасахь²² иза кхуьнан
Т1ех парг1ат а, мукъа 1а.

XXIII

Майра кхочу. Цо хадийца
И tete-a-tete, к1олла лов;
Онегинца ялхаййца
Кхийсарш, забарш шерийн, тов.
Боблу уьш. Чубог1у хьеший.
Лиэран туьха тосуш д1евшин
Къамел дендала ма дулу;
Х1усамнанас магош тулу
Хъа-са парг1ат, сеттар дайна,
Иза хадалора цкъацкъа,
Юкъа оьккхуш х1ат дерш цхъацца,
Генахъ бакъийст, кепаш шайна,
Ца кхерош цхъа лерг а тийна
Декарца т1ех маьрша, дийна.

XXIV

Цигахъ бара берш шайн мах,
Хьоладайн а, моде масалш,
Ган массанхъа йоьг1на яхъаш,
Ткъа оьшу са аьрта нах;
Дамаш къена, т1ехъ куй шера,
Зезагашлахъ, т1ера дера;
Цигахъ яра йо1 масийтта,
Дог доцуруш шайн бела х1итта;
Цигахъ геланча²³ ма ги-кха,
Дуьйцург хьал пачхьалкхийн дика;
Цигахъ вара воьлург вегаш,
Къано, бийриг шира бегаш:
Башха говза, долуш хьекъал,
Х1инца ца бо и саннарг декъал.

XXV

Вара езарг эпиграмаш,
Иийжарг, ца беш цхъаннех тамаш:
Реза воцург чайна нехан,
Зударшна, божаршна хийла,
Далхорна к1ур-роман деха,
Х1утгучунна совг1ат кхийла,
Пуьгашна журналийн, т1амна,
Ткъа лона, эмана шен а.

XXVI

Цигахъ вара Проласов,
Син к1езгалло ша-а айвина,
Албомца байинарг сов,
St.-Priest, къолам хъан ирбина;
Не1рехъ тхьамда баьлнийн ханна
1ара сурт журналийн хилла,
Ал и ц1айнан малик санна,
Къевлина, дош доцуш, тилла,
Ткъа гездархо нацкъара,
Сту крахмалан юккъехъ,
Хьеший белош ма вара
Шен латтарца юххьехъ,
Цунна кхиэл, дош доцуш чуьра,
Наха б1аьрца йира луьра.

XXVII

Ткъа Онегин дийнна суьйре
Танаь йоьшуш – хала-атта,
Яц цо йоьшург йо1, ког 1уьйра,
Безам бахна, миска, атта,
Ю и хийра 1а сту-эла,
Мела ца ло и сту-дела,
Таж Неванан паччахъан.
Х1ай, адамаш! Мел ду схъа
Шу Хъаванах тера деха:
Шайн дерг дац-кха шуна меха,
Шуьга кхойхуш текхарг бу,
Дитта т1ера кхозуш чу;
Хъарам стом шу баккха г1ерта,
Девлла ялсаманин керта.

XXVIII

Хийцаелла и Татъяна!
Керлачу шен ролах кхиьна!
Сте бохучу ва даржан а
Низамийн къайленаш хиьна!
Хъан эр дара вайн йо1 аьхна
Айелла, и 1ийриг ю,
Барамийн бакъонаш хъаьхна?
Вайн хъаша а и зуьйш ву,
Буса хьалха х1уьттутуш цунна,
И Морфей схъакхаччалц, хъуна,
Хийла, оила литтина,
Баттана т1ейирзина,
И 1ий, баккха лууш чекх
Цуьнца дахаран шен некъ.

XXIX

Безаман хан муьлхха ю;
Ткъа и дегнаш, цлена, къона,
Цуьнан хьобкхаршна кхаь бу,
Татол санна диттийн гона:
Шовкийн догленехь уьш, зовкх яйна,
Хийцало-кха, кхуьу хъала,
Жил-Галамо ца луш хала
Заз а хьийна, стом а тайна.
Ткъа стом ло хан эшча вайн
Длавоьрзийлехь шерийн, хлай,
Шовкъан елла лар ю гийла:
Иштта, гуьйре обхуш лана,
Мохо басех лам бо шийла,
Хьун гондлара йоккхуш члана.

XXX

Шеко яц: Евгений ву
Татъяна, бер санна, езаш;
Гелонехь безаман ю
Цуьнан оила, гло ца дезаш;
Хьекъална дош сема ца луш,
Цуьнан кетла, учех схьагуш,
Иза денна дла ма хлуьтгу;
Цуьнан линдаг1 хилла уьду;
И ву ирсе, тасалахь
Боа цуьнан белшаш тле,
Я куьг лоцуш нислахь де,
Я ливреяш татталахь
Цунна хьалха шега дла,
Я эцалахь йовлакх схьа.

XXXI

Амма цунна ю и хийра,
Мел валарх и, хилла тлера.
Цлахь тлеобцу парглат цо,
Кхо дош ду хьошалахь шорта,
Наггахь ластабо шен корта,
Наггахь – тлех, юьхь ца гуш кхуьнан:
Сетгар дац-кха тладам цуьнан –
Курачу и гона – вуо.
Бос шен бовш Онегин ла:
Цунна и гац, хетац къа;
Ткъа Онегин – эшна – иза, –
Герга кхета цамгар къиза,
Онегинна лобраш бобху,
Цара мела хиш ма хьобху.

XXXII

И ца вьоду; и халххе
Кийча язда дайшка шен
Гург и хиларх, ткъа Татъяна
Къора (къам и, собар – ана,);
Ткъа цо, вогуш, доьху гло,
Цуьнца б1о бу, некъ а го;
Могуш хилла, доцуш доза,
Цо куьг дацош гийла,
Сту-элина кечдо йоза,
Кехат лоруш ша-а болх шийла,
Йиш ерг ала и бакъ ву;
Гарехь, чевно терге вина,
Кхи дан хлума и ца гина.
Хлара цуьнан кехат ду.

Онегинан кехат Татъяне

Хиндерг схьаго: товр дац хуна
Сан дог дастар хлара гийла.
Ма цаяшар хаа суна
Хьан б1аьрехь хир дуй-кха шийла!
Ткъа хлу оьшу? дагахь хлу – сан?
Хуна дла сайн доьллуш са?
Кхардаман и муьлха вуо
Луург кочушдийр ду кхуо!

Цахууш хьо-о сайна яйна,
Хьобца суй а аьхна гуш,
Цунах теша ца хлуттуш:
Сайн леларш ца дити тайна;
Сайна хьаьхна маршо, хуна,
Длатаса ца лии суна.
Кхи цъа хлума юккъе дуьйли...
Хьолан ловзарг Ленский вуьйжи...
Дерриг, дагна хилларг герга,
Ас д1акъастий, ца деш тергал;
Хийра уьйна, сайца дера,
Хеташ вара: мукъо мела
Ирсан метта. Ва, сан Дела!
Мел со г1алат, мел со къера.

Хлорра минот хьо гуш яккхар,
Хуна т1аьхьа г1улчаш яхар,
Делар балдийн, б1аьргийн дегар
Дазош лан сайн б1аьргийн хьегар,
Хьобга хьежа, хлотта талла
Синца хьан и исбаьхьалла,
Хьо гуш, лаха, бицбеш хьастам,
Бос бан, д1ава... и бу хастам!

Со и доцуш: хьан доьхьа
Массанхьа со текхарх вьолла;

Суна деза де а, сахът:
Ткъа ас, юуш г1айг1а шийла,
Денош дойу, доцуш хъашт.
Иштга дерш а башха г1ийла.
Оьмар сан ю лаьрра, хьуна,
Амма д1а ву долуш со,
Хууш делахь 1уьйррехь суна,
Дийнахь сайна гур юй хьо...

Кхьору: деш сайн дехар эшна,
Гарх и б1аьр хьан къиза, тешна,
Д1евшечу х1илланан х1оттар –
Хаза оьг1азе хьан 1оттар.
Хууш хилча хьуна, юй, тов,
Безаман хьогалла да1-чов,
Вагар, сина дина дехкар,
Хиттар лахда и ц1ийн кхехкар;
Хьаьгна маракхета хьан,
Я хьан когехь, воьлхуш, 1ан,
Далхош луурш, дог а, г1ело,
Дерриг, дерриг, ала тарлург,
Вуьшта, йотуш и кеп-шело,
Дуза къамел, б1аьр-кеп маьрша,
Дан т1ех парг1ат къамел, далург,
Хьобга хьежа, доьлуш б1аьрса!..

Дан кхи дац-кха: ницкъ бац къийла
Дог я сайна доьхьал вийла;
Сацам хилла: хьо кхел сан,
Ас ло кхолламе со-о д1а.

XXXIII

Жоп дац. Юха до цо тасар:
Шолг1а а, кхолаг1а хьасар...
Жоп дац. Гулам хилар хеза,
Вьдий, и чу, иза йолу
Дохьал цунна. Мел ю еза!
Иза ца го, дош ца олу;
Х1ай! мел дукха гонах цунна
И винийлин шело,
йхьуна! б1ардала 1азийн
Мел ч1ог1а оьг1азло чуьра
Сацо г1ерта барташ луьра!
Онегинс до лорий хьажар?
Стенгахь ду-кха йохар, къажар?
Стенгахь б1аьрхийн томмаг1? Дац!
Цу юьхь т1ехь к1едалла яц...

XXXIV

Ткъа иза тарлора кхера
Майрано я гоно зерах
Шен цхьа леларш, къайлах дехарш,

Сан Онегинна шаш девзарш...
Эрна хьежар. И д1авоьду,
Шен тиларна бекхам боьху,
Цо, еш цунах ойла дукха,
Гуо кхи цкъа а буьту мукъа.
Ткъа кабинет ларьеш тийна,
Цунна хьалха мур бу дийна,
Дерачу г1айг1ано вуо,
Ц1ена хезаш бека гуо,
Иза, лаьцна коча т1ера,
Вигар ларья маь1иг хийра.

XXXV

Цо ма боьшу жаргийн мор,
Воьшу Гиббон, и Руссо,
Мандони, Гердер, Шамфор,
Madam de Stael, Биш, Тиссо,
Воьшу цо и скептхо Бел,
Воьшу шорта Фонтенел,
Ткъа вайнаш а боьшу цо,
Ца олуш цхьа-а х1ума вуо:
Алманахаш, журналаш,
Хьехамийн ма-дарра кхаш,
Цара валхош со а вайна,
Наггахь мадригалаш тайна
Царлахь карйо лаьрра суна:
И е sempre bene²⁴, хьуна.

XXXVI

Х1у ду т1аккха? Б1аьргаш йоьшу,
Ткъа ойланца гена ву;
Луурш, дезарш, г1айг1а оьху
Синан к1орге сийсаш ю.
Мог1анашца зорбанан
Цо мог1анаш доьшу кхи
Гуллуш кепехь морханан
Цара юкьавуллу и.
Ткъа уьш ма ду къайлах дийцарш
Хьомечу, ширачу хенан,
Ца тасало вовшах г1енаш,
Ткъа кхерамаш, бахарш, тидарш,
Я туьйранийн хьа-са чоме,
Я йо1ан и хьоькхнаш хьоме.

XXXVII

Хуьлуш лай набаран хили
И синхаамийн, ойланийн,
Ву сингойла ва шорьеш.
Цуьнан пир1ун – къорза теш.
Цкъа го цунна: лайлахь дешша,
Буьйса яккха аьлла сецца,

Юьллуш цхьа клант, члогла тийна,
Ткъа аз хеза: иза вийна.
Цкъа мостаглийн ма го глера,
И айкхаш а, клиллой дера,
Я эманийн вочу вай,
Я накьостий клезга, хлай,
Ткъа цахь юьртан корехь ла
Хиъна иза... иза цхьа.

XXXVIII

Ткъа Гемина лан и бала,
Хьераволург иза хили
Я байтхо хилаза висе.
И хир дара совглат, ала!
Ткъа ницкъаца мисараллин²⁵
Россен байтийн механаллин²⁶
И бух бовззал веа схьа,
И дешархо ловдал сан.
Байтхо вара иза ветта,
Иаш цхьа маьлиг лаьцна ховха,
Хьалха йогуш шена товха,
Локхуш мерах: Benedetta²⁷,
Idolmio²⁸, цлерга мацца
Йожош тухле, журнал цхьацца.

XXXIX

Денош иди; хлаваь довха,
Ла ма даьлла билггал новкъа;
Цо байт язьяц, и ца кхелхи,
Хьераваьлла, и ца телхи.
Блаьсте цунна члогла тай:
Дохьхъара цо теси ханна
Цла, чохь Гийнарг, ша-а сур санна,
Шалха кораш, къудалг бай
Буьтуш, цо цахь валлар доьхку,
Неваца цо салаз хоьхку.
Сийначу, цистинчу шашца
Малх ма ловзу; цхьаьна глашца
Ийна деша луо а аьгна.
Стенга цуьнца цхьаь ган хьаьгна

XL

Хьаьдда и Онегин? Метта
Ю шун оила; шу ду нийса:
Татьяна ган иза ведда,
И сан жугларг, везарг тийса.
Воглу, цлена дакъа хилла.
Сени – маьрша. Вьоду, тилла.
Ткъа и зал чу; изза, хьуна.
Некъ цо йоьллу. Ткъа и сте
Цец цу тайпа ваьккхи-те?

Ша-а сту-эла хьалха – цунна,
Кечьялаза, бос а баьхьна,
И цхьа кехат доьшуш ю,
Блаьрхиш блаьргаш кхулуш ду,
Куьйго кхобу бесни аьхна.

XLI

Хьа ца боьшура, гуш иза,
Бала, чохь цо къуьйлург къиза!
Ца евзара хьанна, хлай,
Сту-элаца Танаь вайн!
Дохковаларийн ша-а – буьйнахь,
Евгений когашка – цуьнан;
Тохаелла, и ладла;
Онегине хьоьжу дла,
Цецьялар, оьглазла яйна...
Цуьнан блаьрса, лазам байна,
Гар дехаре, тапп ю-хатгар –
Цо теллоцу. Йо! и атта
Луурш, дог а хьалхалера
Дендаларна ериг къера.

XLII

Цо и хьала глаттавац,
Цунна глера блаьрг ца боккхуш,
Цуьнан барташ длататтац,
Шен са доцу куьг сьхадоккхуш...
Ткъа хлу цунна доьхьал туьйсу?
Тийна латта иза юьсу,
Ткъа меллаша эххар олу:
«Тоьур ду-кха; глатта доглу,
Сан дан ду-кха къамел хьоьца.
Онегин, ахь дагалобций
Сахьт, и делларг бешахь цкъа
Вайна хено, со лаш, яйна,
Ахьа дарс²⁹ луш говза сайна?
Тахана пар! ма ю сан.

XLIII

Онегин, со хлетяхь – жима,
Хинччул, гарехь, яра дика,
Хьо вийзира; ткъа хлу ял?
Хьан дог ца карийра леккъа?
Хьан жоп? Луьралла цхьа еккъа.
Бакь дуй? Бацара-кха кхи
Кхаь юьхь-безам йолан и?
Хинца а цлий шелдо хьал –
Тохарлера хьажар хьан,
Ткъа и хутаб... Амма хьо
Ца во бехке: кхоош со,
Хьо осала ма ца лийли,

Сонта дериг ма ца кхийли:
Хьуна ду баркалла сан...

XLIV

Х1етахь, бакъ дац? – буолла яйна,
Нехан хабарш генахь – вайна,
Ца тар хьуна со... Ткъа стенна
Х1инца лобху ахь со денна?
Х1унда сан йо терго ахь?
Цунна-м дац и, х1инца хийла
Сан езарна гоне йийла;
Сан хиларна таро, яхь,
Майра волуш дархо т1еман,
Уьйт1е³⁰- хьажар тхойга сема?
Цунна-м дац юьхь1аьржо сан
Х1инца магар атта ган,
Ткъа цо цуьнца сий хьан деш,
Адам дан цу хьолан теш?

XLV

Со йоблху... ткъа Танаь хьайн
Дагахь елахь бекъчу муьрца,
Хаа т1аккха: и ю яй
Къамел хьайниг шийла, луьра,
Суна дуй тахана хьоме,
Х1инца шовкъ, кехаташ, ткъа
Б1аьрхиш а хьан доций чоме.
Луурш къона лаьрра сан,
Ахьа х1етахь кхойи со,
Сан шерийн а ма бий ларам...
Ткъа х1инца! – когашкахь хьо
Суна1уьллу! Г1ийла барам!
Стаг, дерг хьан дог, хьекъал, х1ай,
Ца тов хила шовкъан лай!

XLVI

Ткъа, Онегин, го сан хьал –
Хьаьхначу дахаран пал,
И кхиамаш, баьхнарш хала,
Моде ц1а, суьйренаш к1айн
Х1у дан оьшу? Реза дала
Маскарадан ч1еш и дай,
Х1ара къегар, г1овг1а, чан,
Лург у жаргийн, акха беш,
Тхайн ц1а г1ийла – шерийн теш,
Ткъа меттигаш, хьо цкъа сайна,
Онегин, доьххьара вайна,
Ткъа буо кешнаш, токху хан,
Х1инца жа1ар,1индаг1 цхьа
Кхобурш коьртехь бабин сан...

XLVII

Ткъа ирс ган йиш яра, хьуна-м,
Ч1ог1а!.. Ткъа сан кхоллам, тилла,
Иштта бирзи. Ткъа со, х1ара,
Ма тарло т1ех б1аьрзе хилла:
Соь б1аьрхишца еха, дуй,
Нана кхайкхира; ткъа суна-м
Муьлхха харжам цхьаь ма бара...
Со ю марехь, хууш шера,
Аса доьху, со йитахь,
Хаа суна хьобца юй
Хьакъ куралла, ц1ена яхь.
Хьо ма виэза (со ю къера),
Ткъа со ели кхечуьнга;
Ойла хир ю сан цуьнга.»

XLVIII

И д1аяха. Иан Евгений,
Къекъаро1адийча санна.
Муьлхачу цу дарцан зенийн
Юкьахь ву и дагца ханна!
Ткъа цхьамзалгийн зов ма хеза,
Кхочу мар Татъянин веза,
Эццахь турпал и вайн, хьуна,
Минот дера евзаш цунна,
Дешархо, вай вуьтур ву
Гуттаренна... Тоьур ду
Вайна гездар цуьнца деха
Дуьне мел ду. Х1инца меха
Берд гуш, алий вай, жалай!
Мурст и ала кхечи, х1ай!

XLIX

Ткъа, дешархо, хиларх хьо
Доттаг1, мостаг1, со ву лууш
Къаста хьобца, волуш со
Хьаша хьайниг. Х1уьа сайца
Ахьа лехарх, талла хууш
Х1ара строфаш. Хилларг хьайца
Я сада1ар белхех хьайн,
Дийна суьрташ, дешнаш мукъа
Я г1алаташ, даккхий, дай,
Дала кху жаргица дукха
Самукъненна, кхиамна,
Хьайн дагна, журналийн т1амна
Хьуна оьшу буьртиг гайта.
Ткъа х1инца1одика яйта!

L

Ахъа а, некъахо сан,
 Ахъа а, идеал бакъ,
 Ахъа а, диллина къа
 Жима. Шуйца девзи хъакъ
 Мел дерг чIогIа байтхона:
 Дахар дицдар дарцлахъ гонан,
 Хъа-са доттагIийн и мерза.
 Иди, иди денош перза
 Цкъа и къона Тагъяна,
 Ткъа Онегин цуьнца, хъуна,
 ХIотталекха доьхъал суна –
 ДIа маьршачу романан
 Чекх кристалах магинан
 Аса кхета дай дина.

LI

Ткъа ас боьшуш шайна гина
 Доьххъара сайн строфаш цхъацца...
 Цхъаберш боцуш, кхиберш гена,
 Саадис ма-аллар мацца.
 Онегин уьш боцуш вина.
 Ткъа диллинарг аса тIера
 Васт Тагъянин, доцург хийра...
 Хилла, хилла Iаткъам хенан!
 Ирсе – цIай дахаран теснарг
 Хъалххе, дуьтуш иза Iад,
 Ца молуш чагIаран кад,
 Цуьннан роман дIа ца ешнарг,
 Хиинарг и йита яй,
 Ас Онегин санна сайн.

Гочдархо ХАТАЕВ Хъусейн

Дошлонан тайпа.
 ДоIа деш корта туху меттиг.
 Жима кхокха.
 Оьрсийн – барин.
 Шена тIаьхъа ворданаш тосу хIума.
 ТIоьхула четар лаьцна ворданаш.
 Хъалхарчу говра тIехъ хиъна Iа кучер.
 Рицкъанах кхета хIусамаш.
 Некъаш.
 Ахиллан говр-вордахо.
 Кхо говр йоьжна ворда.
 Гаргол туху меттиг.
 Урам, уьйтIе къагайо хIоттийлаш.
 Керстан динна шайн дахар дIаделла нах бега гIишлонаш.
 Сан малик! – «Пашани!» (фр.)
 ДIале, нагахъ санна даимна, даимна дIале. Байрон
 Вазваран мукъам, илли.
 Сту-йоI.
 ХIордкеманан тайпа.
 Яхъ ерг цIена.
 Аьхазалла.
 Къамелан декъашхо.
 Векалхо.
 И мел дика ду (ит.).
 Чархалла.
 Бозбуунчалла.
 Къобалдойла (ит.).
 Сан кумир (ит.).
 Дешаран юкъ.
 Кхузахъ паччахъан уьйтIе бохучу маьIнехъ.

Зелимхан Мусаев

Нас ждут большие перемены...

В попытках объяснить увиденное,
Полжизни потерял напрасно...
И лишь момент испортил
столь прекрасный...

Пытался звуки бездны
передать словами «любит» –
Бесмысленно,
ведь слов не мог найти.
Опять пришлось непонятым уйти.

Раскрыть тебе хотел
неведомое чувство –
Предстал в глазах твоих
безумцем, друг.

Но почему ж я был так глуп?..

Покой мой содрогает чувство
Превыше чувства мне известного –
Под одеялом его страсти грустно,
Но, в то же время, так прелестно...

И эта сила, что не в силах обуздать,
Способна мир заделать под чудесное,
А также – обернуться бездною,
Заставив нас бессмысленно страдать.

Дон Хуан* был веселым яки*–
Посмеяться всегда любил,
И в горах, где зимуют раки,
Кастанеду* уму учил.

Карлос был заурядный малый –
Индюльгировал,* глядя в даль;
Постоянно вздыхал устало,
Вел себя, как последний тональ*.

Дон Хенаро* умел стебаться –
Он учителем тоже был.
На полу мог часами валяться,
Делал вид, что по морю плыл...

И такое вот сочетание
Вызывало у всех интерес:

Я с нагвалем* спешу на свидание,
За пейотом* на поле чудес.

В кузнице счастья плавают любовь.
Все, что нас любит – в этом есть Бог.
Все, что не любит – в этом есть мы,
что спотыкались на верном пути.

Сидя на мосту,
наблюдая огни городов,
Вряд ли можно осознать,
кто ты таков.
Высота позволяет
убить страх высоты.
Все, что увидишь вокруг –
есть ты.

Блуждая по переулкам,
ласкаешь душу
Стонами бездомных калек,
лежащих в луже.
Незаметно, не замечаешь
вокруг людей –
Они смешались с каплями дождей.

Сегодня будет также тихо,
как и завтра,
Я заливаю алкоголь
на ужин и на завтрак.
В пустой квартире нету даже света,
Считаю секунды
до наступления лета.

Нас ждут большие перемены –
Там, на краю развернутой Вселенной,

Оставим на планетах имена,
И в путь отправимся, что без конца.

Я наполню твой мир танцем...
Снегом, что будет свидетелем
Нашей прочной любви, как панцирь.

Пусть закружит между метелями
И поможет свободно дышать.
Да, я знаю, что мы наделали –
Мы доверили сердцу решать.

Есть что-то больше...
Всегда.
Где-то дальше...
Мой поиск либо приведет меня
на перекресток всех миров,
Либо раньше
Умру и уйду в бесконечность –
там, где нет слов.
Какой же он все-таки странный –
Мир.
Вроде бы сотканный,
вроде бы рваный,
Безграничный, конечный...
Как жизнь.
Множество в одном –
формула Того Кто Всех Выше.
И сегодня, сейчас я Его чувствую,
я Его слышу.

Мой друг погиб в бою...
Казалось бы, вчера родился.
Я славу другу воспою
И расскажу о том, как бился.

Под тяжестью его руки
На землю пали сотни воинов,
Но нить обрезали судьбы,
Дарующие гибель Мойры.

Он рос, не зная поражений,
Любил жену, и был любим,
И на полях больших сражений
Себя в испуге не щадил...

Клинки врагов ломались вдвое,
Не знало тело ран от стрел –
Огромный щит скрывал с главою;
Свирепый Дух – отважен, смел.

Теперь удел его – чертоги.
Он пьет вино среди богов...
Ведь к одному ведут дороги –
Для тех, кто жизнь отдать готов...

Он был волком среди волков.

Погода не очень, под рифмы заточен
Непредсказуемый разум.
Мне грустно немного...
хотя, да и впрочем,
Понятно тут все и сразу.

Вспотевшие окна, рабочие будни
Тоску нагоняют порой.
Прохлада лесов,
без сомненья, разбудит,
Когда доберусь я домой.

Под действием звуков
рождаются мысли –
Они возвращают в снега,
Где белые хлопья, летая, зависли
Над пропастью у моста.

Я люблю по утрам капусту,
свежий ветер и холод дождей.
Я люблю любить, когда грустно,
и слова, типа «сельдерей».

Нет, наверное, в этом жести,
смысла нету, как и во всем.
Я сегодня больной буреветник,
беззаботный большой макарон.

Меня пронизывают
сотни тысяч волн –
Их силу ощущаю каждой клеткой,
Сосуд мой грязью этих волн полон,
И нет диагноза, врача или таблетки.

Два пальца от пупка – мой дом.
Его пытаюсь
сконструировать надежно,
Но хаос этих самых волн
Пытается свести на нет возможность.

Я – лишь блуждающий фантом,
Который хочет обрести свободу,
Облагородить и отстроить дом,
И проложить маршрут по небосводу.

У меня все хорошо – ну, скорее... ТОЧНО.
 Мне б там-там, варган и сок, и природы срочно.
 Мне бы дальние миры, звезды и дороги –
 У меня все хорошо, дорожку не многим.

Просыпаюсь по утрам – делаю зарядку...
 Пошаманить по лесам – в списке распорядка;
 Устранить ненужный хлам в голове могу я,
 Ощутить поток тепла, да и ветра струи.

Окружающих людей взгляды удивленья –
 Умудрился накопить чуточку терпения.
 Я теперь совсем не тот... искренность дороже.
 У меня все хорошо – я ребенок все же.

Примечания:

Кáрлос Кастанéда – американский писатель и антрополог, автор книг-бестселлеров, посвященных шаманизму и изложению необычного для западного человека мировоззрения.

Дон Хуан – предположительно, реальный персонаж, шаман из индейского племени яки, главным образом известный по произведениям Кастанеды .

Яки – племя североамериканских индейцев, живущих в регионе пустыни Сонора, включающем в себя северную часть мексиканского штата Сонора и юго-восточную часть американского штата Аризона.

Дон Хенаро – наряду с доном Хуаном, являлся учителем (бенефактором) Кастанеды.

Тональ – в представлениях индейцев Центральной Америки магический двойник человека. В учении Карлоса Кастанеды («Сказки о силе») тональ переосмысливался как окружающий нас эмпирический мир, противоположный трансцендентному нагвалю.

Нагваль (англ. Nagual от ацт. Nahualli – быть спрятанным, сокрытым) – в мифологии индейцев Центральной Америки дух-хранитель. Кастанеда осмысливает нагваль как противоположность тоналю. Нагвалем также называют шамана, возглавляющего группу магов на пути в неизведанное.

Пейот – пейотом индейцы Мексики и юга-востока Америки называли сам кактус, а также напиток, которые делали из него. Он был одним из важных составляющих их магических ритуалов.

Индюльгирование – термин, введенный Кастанедой, обозначающий чрезмерную подверженность эмоциям в текущий момент времени, склонность к переживаниям и жалости к самому себе.

Марет Эльдиева**В порыве чувств**

В порыве чувств наговорю,
 Что без тебя я все смогу.
 Застывших слез ты не увидишь,
 И крик души ты не услышишь...

Боль моя холодным камнем
 Сорвется гулко в пустоту...
 Злобно скрипнут ночью ставни,
 Я в пустоту и ночь сбегу.

Если уйдешь

«Если уйдешь, пожалеешь»! –
 Крик этот замер во мгле.
 «Если уйдешь, пожалеешь», –
 Слышу я вновь, как во сне...
 «Если уйдешь, пожалеешь», –
 С болью шепчу я себе.
 Крикнуть хочу, что жалею...
 Но... так и не крикну тебе.

Ты не поймешь порыв душевный
 И будешь дальше жить, как жил...
 Лишь иногда холодный гневный
 Бросишь взгляд. Он так остыл.
 И снова пусто, пусто, пусто...
 Так жизнь безлика и скучна.
 Давно понять мне это нужно.
 Но мне Любовь и Боль дана...

В порыве чувств наговорю,
 Что слез застывших ты не видишь...
 А, может... что-то и смогу...
 Но крик души... ты не услышишь...

Не забытая...

Не забытая, вроде, брошена.
 Непрошенная, всеми допрошена.
 Болью жуткой мечта перекошена,
 И бреду по тропе я заброшенной.

Мне вослед завывают забытые,
 Тенями бредут все убитые,
 Плачут души, жестоко побитые,
 Руки тянутся, кровью омытые.

Бреду я сквозь жуть неба плесенью.
 Плачет мир листопадом и осенью...
 Я иду, ведомая просинью
 Чьих-то глаз и прощальной осенью.

Эта осень

Эта осень моя, как прощальная
 песнь журавлей,
 Машет легким крылом,
 облетая отжившей листвой,
 Словно грань провела
 между небом и алчной землей,
 Сеет холод разлуки,
 тоски между мной и тобой.

Эта осень моя, будто павший
 надежд моих замок...
 Словно хочет запомнить
 распятую пушками юность,
 Болью острой пронзает
 застывшую память...
 Чередой старых ран,
 волнуя их, будит и будит...

Эта осень моя...
 как продрогшая ива поплачет,
 Дождями омоет
 израненных дум моих стужу.
 Под ногами манкуртов
 завоет забытая память...
 С безразличьем по ней
 потопают ноги чужие...

Эта осень моя... как прощальная
 песнь журавлей,
 Машет легким крылом,
 облетая отжившей листвой.
 Словно грань провела между небом
 и алчной землей,
 Сеет холод отрыва, тоски между
 мной и тобой.

Стих

Я узнаю себя по безмолвным глазам,
Где читаю о боли Великой.
В них давно все погасло.

Осталась беда...
И тоска, что вокруг все безлико...

Я узнаю тебя в обреченной фигуре,
По тому, как друзья насмеяются вслед.
Мы же знаем –
нет силы прекраснее в мире,
Чем проложенный верно
твой правильный след...

Я узнаю их всех
по слезам нашим горьким...
По тому, как младенцы
над бездной заплачут...
Как усталые жены
под взглядом их зорким
От бездушия помыслы чистые прячут...

Я узнаю всех нас, если даже не станет
Ни меня, ни тоски и ни боли,
Если даже цветы на душе все завянут,
И спою нам с тобою о поле...
И о счастье, заблудшем в сомненьях...

Я закричу

Я закричу, заламывая руки,
Сознаюсь в том, что вовсе не грешно,
И обреку себя на злые муки,
Уйду туда, где жутко и темно...

Не станет ночь, стыдись,
что я – такая,
Меня любовно, трепетно баюкать...
Я – грешница, презренная, хмельная,
Сожмусь узлом,
который не распутать.

Меня проклянут
с отчуждением жутким...
Станет пусто – ни друзей, ни боли...
Я закричу, заламывая руки,
Погружаясь в ненужную мне волю.

Я уйду

Я уйду, когда сочтешь ты нужным,
Молча повинуюсь, не глупя.
Ты вослед посмотришь
как-то чуждо...
Ни о чем не спрашивай меня.
Пусть вопросы
проскользнут безмолвно –

Все прочтем в глазах друг друга мы.
Ночь обнимет на прощанье, словно
Мы на грани ханжеской беды.
Будут звезды жадно светом дивным
Меж собой делиться ни о чем,
Будет боль безумно-тихим ливнем
О наши взгляды

разбиваться в кровь.
До утра дорога будет длинной,
И любовь размытою тропой,
Разбивая ноги в кровь, наивно
Побредет в неведомый покой...
Будем мы одни, уже чужие,
Вслед смотреть покинутой любви...
А потом безмолвные, простые...
Канем в день...

прожорливость тоски...
Я уйду, когда сочтешь ты нужным
Сохранить свой мир... но без меня...
Не смотри вослед
мне как-то чуждо...
Трудно будет выжить без тебя.

Думал

Думал, что брошусь от горя
я в бездну бездонную?
Думал, отчаявшись, стану
я дымкой сожженной звезды?
Думал, что снова, страшись
и горя, невольно
Кинусь к тебе – и...
будешь героем дня ты?
Напрасно! Жалей иль желай –
ты прощенья не стоишь,
Лишь обманчивым сном ты придешь
иногда к изголовью,
Лишь тоска будет рваться
напрасно и с воем
Оседать в наших душах
Надолго и с болью.

Если можно

Если можно так просто убить
Крик души и несбыточный сон,
Если в жизни нельзя отличить
От всего остального любовь,
Если сумрак ночей – неизбежность,
Если все поглощает мгла,
Отчего же такую безбрежность
В любви ты, судьба, мне дала?

Марьям Хадысова

Осень наступит внезапно...

У меня в руке букет из мяты
и еще каких-то диких трав.
Стороною обходя меня, ты
разве прав?
Я опасна очень оттого ли,
что глаза мне травы зеленят?
Оттого, что мне хватает воли
быть не в ряд?
Оттого ли, что мечтаю громко,
мне с тревогой долго смотрят вслед?
Или узнают во мне ребенка,
что в них нет?
Все неважно, кроме свежей мяты
и еще каких-то диких трав.
Стороной не обойдя меня, ты
был бы прав.

На закате – неважно чего –
жизнь другая совсем. Хмельная.
На закате, когда видишь дно,
не бросаешь камни, сбивая
пальцы рук, пальцы ног, горло в кровь
не срываешь: пустая
трата времени, сил – это все,
что ты точно знаешь
на закате – неважно чего –
когда жизнь другая.

Осень наступит внезапно,
тихо обнимет за плечи.
Я не жалею о завтра,
просто мне хочется лечь и
больше не просыпаться.

Август играет азартно:
ставит и дождь, и свечи.
Доктор, впишите в карту,
что время меня калечит,
А я разучилась драться.

Утро приходит бестактно,
без извинительной речи,
силой толкает к старту,
а я не смею перечить
и молча иду стараться.

По венам идет война,
по мыслям – опять июль.
Я знала, что их – не одна,
считая количество пуль,
застрывших в моем мозгу.

Скоро наступит зима –
я снова накину вуаль
и стану совсем не видна.
Забудусь, как синяя даль,
и другу, увы, и врагу.

Я будто бы вечно больна,
как сломанная деталь –
зачем такая нужна?
На что мне ваша мораль,
когда я дышать не могу?

...а потом искать хоть какие-то
части-обрывки,
чтобы дыры заделать в потрепанной
болью обшивке.

И сейчас-то несладко: под ребрами
 рвет и мечет.
 Выбирать не пришлось. Так уж
 вышло, что выпало «нЕчет».

...говорить себе и другим:
 «Все в норме, дружище!
 Закаляюсь огнем!
 Креплюсь и делаюсь чище!»
 Только верить в такую ложь
 не имеешь права.
 Жребий брошен.
 Судьбе-палачу – вечная слава.

Нарушать закон сохранения масс –
 отдавать, не прося взамен, –
 очень просто, когда у тебя прозапас
 накопилась тысяча вен,
 переполненных песнями красных лун
 и самых синих морей.
 Все отдам. Забирай. Не хочу. Не могу.
 Забирай и иди своей
 топью дум, цепью слов,
 пеленою молитв,
 Забывай, забывай обо мне.
 Мы однажды столкнемся
 в какой-то из битв,
 но не вспомним, продавшись войне.

Потолок в паутине.
 Тянутся мысли в ночь.
 До чего ж у тебя бестолковая,
 мама, дочь!
 До чего ж несурозна, ворчлива,
 глупа, груба –
 даже кот прибудный
 и тот бежит со двора.

Мама, как же так вышло:
 два имени – два пути?..
 Первым – жизнь ненавижу,
 вторым – сочиняю стихи.
 Я уже потерялась напрочь
 в «могу» и «должна».
 До чего ж я, наверное, мама,
 сейчас смешна!

Мне бы высказать, выплакать,
 выдохнуть залпом, вмиг!
 Забываю смешками беззвучными в
 горло крик;
 забываюсь, сбиваюсь
 и думать уже невмочь:
 потолок. Паутина.
 Тянется в мысли ночь.

Как ночь на порог – так дурею,
 и хоть ты тресни!
 И сон не идет, и звезды не те,
 что были,
 и пишутся все чужие какие-то песни,
 и хочется резать, рвать,
 чтоб слова застыли...

Верни меня к жизни!
 Я превращаюсь в имя
 с чужими глазами. Верить? –
 я не такая!
 Хоть что-то! Хоть что-то,
 прошу тебя очень, скажи мне!
 ... по пальцам водой
 в ответ тишина утекает.

Черные клавиши, белые пальцы:
 где ты?
 Сон или кажешься?
 Как бы мне справиться
 с этим.
 Слушай – послушай же! –
 я еще толком
 не знаю:
 Чудится-видится, будто бы что-то
 теряю.
 Верить мне? Верить, конечно, –
 как же иначе? –
 Смотришь в глаза мне
 и сердце свое
 не прячешь.
 Знаешь, мой зверь опять... опять
 просыпается.
 Что же такое? Что же такое
 меняется?..

Руслан Юсупов**Вдвоем**

Мы встречаем вдвоем
каждый новый рассвет...
Жизнь наполнена смыслом – тобою.
Вместе думаем,
дышим уже много лет.
С нами Бог, мы довольны судьбою.

Нелегко в этом мире,
в проблемах живем.
Жаждем мира, готовимся к бою.
Только счастливы мы,
потому что идем
Мыпожизниодноютропуо.

Светит солнце в пути одинаково нам.
И грустим, и смеемся мы вместе.
Дополняем друг друга,
и все – пополам,
Как слова и мелодия в песне.

Оглядываясь назад

О сладкий вкус моих воспоминаний,
Я тешусь вами на закате лет.
Купаюсь в страстном
омуте признаний,
Где не всегда лилась любовь в ответ.

Где были муки на износ и ночи
Бессонницей, отчаяньем полны;
Где были дни туманных многоточий,
О чем порой напоминают сны.

Но сколько было
радостных мгновений,
В которых – жизни истинная суть,
Когда в пылу взаимных откровений,
Казалось, в ключья разорвется грудь.

Мне не забыть минуты ожидания
Пленительного слова о любви.
Я буду помнить каждый час свиданья,
Когда в глазах читалось: «Позови»!

Я помню все: хорошее, плохое...
Спасибо, память, за твои труды.

Пусть будет рядом где-то все бывшее,
А в настоящем будем я и ты!

Одинокой женщине

Вся наша жизнь лжеистиной полна,
В ней нет ни справедливости,
ни счастья,
Когда такая женщина одна
Живет без чьей-то ласки и участия.

Когда одна, сгибаясь на ветру,
Плетется, не согретая любовью,
И каждый день, вставая по утру,
Не видит ни кого у изголовья.

Так почему и в чем ее вина?
И почему беспечно солнце светит,
Когда такая женщина одна,
Когда одной ей достаются дети?

Когда невольной гостьей вдруг слеза
Напомнить о тоске ее стремится,
Взгляните в эти грустные глаза,
И вряд ли вам удастся не смутиться.

И все же, верю, ждет ее весна,
Откроет двери, постучав с любовью.
Я знаю, будет счастлива она
Поднежноюрукой у изголовья.

Когда все можно поровну делить,
Когда и день, и ночь неповторимы.
Ведь женщина не может не любить,
И ей по праву надо быть любимой.

Все дано тебе Богом:
и внешность дана,
Тонкий ум, и душа, и манеры...
Почему же, скажи, ты сегодня одна
Без любви, без надежды и веры?

Все дано тебе вдоволь,
ты знаешь сама,
И достоинство, и обаянье.

Почему же жилище твое, как тюрьма,
Обрело тебя на увяданье?

Почему же судьба
благоклонна к другим,
А тебя так легко обделила?
Почему не тобою одною томим
Тот, кого ты еще не любила?

Где же бродит он слепо
и смотрит куда,
С неба звезды напрасно хватая,
Когда рядом сияет земная звезда,
О любви настоящей мечтая?

Не завиден, тяжел одиночества крест,
Когда не с кем душою согреться.
А ведь нужен один согревающий жест
И одно, но влюбленное сердце.

Под вечным белым снегом
Проходят день за днем.
И мы под этим небом,
Но только не вдвоем.

Что с нами дальше станет?
Как все, в весну шагнем,
И лед вокруг растает,
Но мы-то не вдвоем.

Потом наступит лето,
Зальет закат огнем,
И будем ждать рассвета,
Но только не вдвоем.

И очарует осень,
И золотом запьем
Мою хмельную проседь,
Но только не вдвоем.

Что дальше? Все сначала...
И ничего не ждем,
Поскольку нет причала,
Где будем мы вдвоем.

Сыграй мне грустную, гитара,
Влюбился я в который раз.
Хоть, знаю, ей совсем не пара,

Ни что не связывает нас.
Но почему же сердце бьется,
Когда встречаю этот взгляд?
Оно над разумом смеется
Который год уже подряд.

Оно не хочет в паре с телом
С годами чувствовать закат.
Ему любить не надоело –
Оно моложе во сто крат.

И я ищу ее глазами,
И оживает вдруг струна.
Лишь два аккорда между нами,
Но ведь услышала она.

И ничего, что мы – непара
И разведут дороги нас.
Но помоги же мне, гитара,
В последний раз, в последний раз.

Упала пожелтевшая листва,
Но дерево еще живет и дышит.
Пусть кажется, исчерпаны слова,
Но голос сердца милая услышит.

Он понесется через расстоянья
И тронет струны замершей души,
И музыкой безмолвного свидания
Разбудит одиночество в тиши.

Что есть жизнь без утренней зари,
Что она без дивного заката?!
Вот звезда сверкнула, посмотри,
В небе ясном россыпи дуката.

Отчий край, знакомый нам до слез,
Что мы без него – корабль в пустыне.
Что есть жизнь, когда она из грез,
Где они лишь яркие картины?!

Что есть жизнь без улицы родной,
Где мы родились и повзрослели,
Где мы, как за каменной стеной,
Стать людьми хорошими сумели,

Где хранит отцовская рука
Честь семьи, достоинство, манеры,

Ну, а мама пожурит слегка,
Если загуляли мы без меры.

Что есть жизнь,
коли твой верный друг
Не уступит лучшую обнову,
Не разделит молча твой недуг,
Прибежав по первому же зову?!

Что есть жизнь, коли весь шар земной
Не хотелось вдруг обнять от счастья,
Коли не придется в мир иной
Мне уйти с любимой в одночасье.

Легкая грусть просочилась в мой дом.
Поздняя осень кропит за окном.

Падают листья в саду, пожелтев,
Ветра осеннего грустный напев.

Дождь уже несколько дней моросит,
Мрачное небо упорство хранит.

Кажется, что не просохнет земля.
Плачут в унылом ряду тополя.

Тонкая ветка, согнувшись, дрожит,
Редкий прохожий по лужам бежит.

Словом, привычный
октябрьский фон...
Что-то еще замолчал телефон.

Только нарушилась вдруг тишина,
Хлопнула дверь... появилась она –

Главная женщина, величина.
В сердце, разбуженном, снова весна!

Осень напрасно кропит за окном –
Солнце собою наполнило дом.

С новой силой забились сердца –
Все оживает по воле Творца.

Не разминулись

Как же нашли мы друг друга!
Не разминулись, сошлись.
Здесь, в беспорядочном круге,
Все называемом жизнь.

Сколько дорог было рядом,
Сколько соблазнов в пути,
Сколько пленительных взглядов
Выпало нам обойти!

Сколько свиданий осталось,
Брошенных на полпути.
Сколько удача металась,
Прежде чем к нам подойти.

Так и нашли мы друг друга,
Встретившись вдруг навека.
Стала ты верной подругой...
Жизнь потекла, как река.

Были, конечно, тревоги,
Были и черные дни.
К счастью нет ровной дороги.
Жизнь испытанью сродни.

Важно прожить ее мудро,
Без опрометчивых слов,
С тем, чтобы каждое утро
Чувствовать рядом любовь.